

Р.М. Шукуров

ЗЕМЛИ И ПЛЕМЕНА: ВИЗАНТИЙСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТЮРОК

В настоящей работе будет предпринята попытка проанализировать византийскую классификацию тюркских народов, особенно для времени наиболее активных контактов с тюрками начиная с XI и до середины XV в. Причем, следует подчеркнуть, что византийская терминология, касающаяся тюркских народов, отличалась значительным многообразием, насчитывая более двух десятков именовании, связь и соотношение между которыми не всегда легко определить. Свою цель мы видим в реконструкции византийской классификации тюркских народов, а также в раскрытии и описании тех таксономических моделей, которые подлежали этой классификации.

Анализ византийского ономастикона, касающегося тюркских народов, значительно облегчается наличием фундаментального труда Дьюлы Моравчика "Byzantinoturcica", который представляет собой свод лексических элементов в среднегреческом, имеющих отношение к истории алтайских народов в целом и в частности тюрков¹. Byzantinoturcica наиболее полна и надежна в своей этнонимической и топонимической части. Д. Моравчик составил самый полный на сегодня каталог именовании, прилагавшихся к алтайским народам в византийских текстах всех жанров, наглядно суммировав эти данные в Указателях к своему труду (см. разделы Volksnamen, Stammensnamen, Geschlechtsnamen)².

Однако до сих пор так и не было сделано попыток аналитического осмысления материалов, собранных Д. Моравчиком. Ниже мы попытаемся нащупать общие византийские эпистемологические принципы в той их части, которые касались этногеографических представлений. Далее, отталкиваясь от этих общих принципов византийской эпистемологии, мы попытаемся реконструировать логический механизм византийской таксономии и выстроить из наличного терминологического многообразия этнических и топонимических именовании, относившихся к тюркам, некую иерархическую классификацию. В последующем изложении мы будем оперировать наиболее типичными примерами из византийской литературы, отсылая читателя, желающего увидеть подробный список византийской терминологии со ссылками на соответствующие источники, к каталогу этнонимов и топонимов Д. Моравчика.

Прежде чем перейти к предмету исследования следует сделать одну важную оговорку. Ниже мы сконцентрируемся на собственно византийской этнонимической классификации, принимая ее как историческую данность, без того, чтобы специально анализировать "реальное" конкретно-историческое содержание обсуждаемых этнонимов. Как показывают современные иссле-

¹ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 1–2. Leiden, 1983.*

² *Ibid. Bd. 2. S. 359–360.*

дования средневековой идентичности, терминология средневековых текстов, воспринимаемая современным сознанием как этнонимы, практически никогда не была тождественна *этничности* в нынешнем смысле термина и отнюдь не указывала на нее³. Реконструкция этнических, социальных, политических, культурных и иных реалий, скрывавшихся за тем или иным византийским этнонимом, прилагавшимся к тюркам, – предмет для отдельного исследования.

О ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Тексты средне- и поздневизантийского периода пестрят древними именованиями народов как-то “галлы”, “колхи”, “гепиды”, “скифы”, “сарматы”, “гунны”, “тавроскифы”, “трибаллы”, “геты”, “даки” и т.д., никак, на современный взгляд, не коррелирующими со средневековыми народами, ими обозначенными. Казалось, византийцы избегали неологизмов и лексических заимствований из внешнего мира, географическая, этническая номенклатура, реалии чужеземного социального и культурного быта нередко (но не всегда) именовались в терминах классической науки (историографии, географии и т.д.)⁴. Этот известный феномен исследователи обычно именуют “архаизацией” современных византийским авторам реалий в результате перенесения традиционной, уже устоявшейся в греческой науке терминологии на новые объекты.

Проблемы истока и функции византийской “архаизации” решалась в современной литературе на базе нескольких методологий, применяемых в области исследований византийской культуры. Подавляющее большинство этих подходов развивается в контексте традиционной филологии и литературной критики и концентрируется на анализе *стилистических* особенностей византийских текстов. Согласно литературно-критическому объяснению, византийцы воспроизводили архаические топонимические и этнические термины, стремясь сохранить классическую целостность литературного дискурса, часто в ущерб фактологической точности⁵. Наиболее полно эта позиция была сформулирована Г. Хунгером, который говорил даже о стилистическом “снобизме” византийских авторов и пренебрежении их к какой бы то ни было новой информации. Исследователь интерпретировал “архаизацию” и в более осторожных терминах как “мимесис”, подражательное воспроизведение византийцами языка, стилевых особенностей и тем античной литературы⁶. Следовательно, сама способность византийцев, якобы

³ Содержательный обзор нынешнего состояния науки в области средневековой идентичности см.: *Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–554. Cambridge, 2004. Ch. 1: Ethnicity, Ethnography and Community in the Fifth and Sixth Centuries*, особенно. P. 13–33.

⁴ Постановку вопроса с характерными примерами см.: *Бибиков М.В. К изучению византийской этнонимии // ВО. 1982. С. 148–150.*

⁵ *Dieterich K. Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde, 5.–15. Jahrhundert. Leipzig 1912 (repr.: Hildesheim; New York, 1973). S. XV–XVII; Ditten H. Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles, interpretiert und mit Erläuterungen versehen. B., 1968. S. 3–11.*

⁶ *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. I–II. München, 1978. Bd. I. S. 71, 407–408 u. a. и особенно S. 509; см. там же: Ibid. Register (публика Archaisieren); Hunger H. On the Imitation (ΜΙΜΗΣΙΣ) of Antiquity in Byzantine Literature // DOP. 1969–1970. Vol. 23. P. 15–38.*

всецело погруженных в имитацию древних форм и образов, к адекватному отражению реальности вызывала у исследователей серьезные сомнения⁷. Так, например, Г.Г. Бек говорил об отсутствии у византийцев любопытства по отношению к другим народам, что было следствием принципиальной автаркичности византийского сознания. Варвары рассматривались как некое недифференцированное и гомогенное единство⁸.

Вклад в прояснении генезиса византийских “архаизирующих” построений внесла *поэтология*, представленная отечественным исследователем М.В. Бибиковым. Он подверг анализу византийские описания других народов вновь преимущественно с филологической точки зрения, но с использованием более изощренного поэтологического аналитического инструментария. Как показал М.В. Бибиков, “архаизация” была не столько рабским подражанием античным авторитетам, сколько одной из функций поэтологической структуры византийских текстов. Исследователь находит возможным говорить о *хронотопе варварского мира*, т.е. об особой организации пространства и времени в повествовании, которое и обуславливало функциональность и предметную значимость древних этниконов в византийском контексте⁹. В устойчивости практики сохранения традиционных этниконов сыграли свою роль и специфические стилистические стратегии византийцев, которые избегали включения в свое повествование “чужой речи”, т.е. варварских неологизмов-этнонимов, чтобы не нарушить целостность повествовательной ткани¹⁰. Исследователь толковал “архаизацию” и в контексте “этикетности” средневекового дискурса, привязывающей этнонимы к географическому пространству¹¹.

“Архаизация” получала и социокультурную интерпретацию, которая, однако, весьма явственно тяготеет к филологическим толкованиям. К примеру, Г. Хунгер полагал, что в XIV в. “архаизация” являлась уделом интеллектуалов из слоя *мэстои*, для которых она являлась и объединяющим знаком корпоративного единства и корпоративной исключительности. И.И. Шевченко поддерживает эту идею, рассуждая о классическом знании (и соответственно способности к классицистической имитации), как о престижном групповом маркере, отделявшем интеллектуалов от низших классов¹².

⁷ Dieterich K. Byzantinische Quellen... S. XX: “Konnten denn aber die Byzantiner wirklich beobachten und Beobachtetes auch wirklich darstellen? – Schon die Stellung dieser Frage schiene absurd, wenn von irgendeiner andern Menschenklasse die Rede wäre als von Byzantinern”.

⁸ Beck H.G. Theodoros Metochites: die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. S. 89–90; Lechner K. Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner: die alten Bezeichnungen als Ausdruck eines neuen Kulturbewusstseins. Thesis (doctoral) Ludwig-Maximilians-Universität. München, 1954. S. 75.

⁹ Бибиков М.В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 91–97; *Он же*. Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР (XII–первой половины XIII в.) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978; *Он же*. Византийская этнонимия: архаизация как система // Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1980. С. 70–72.

¹⁰ Бибиков М.В. Византийские источники по истории... С. 87–88.

¹¹ *Он же*. К изучению византийской этнонимии. С. 154–155.

¹² Hunger H. Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jh. // Actes du XIVe Congrès International des Études Byzantines. Vol. I. București, 1974. P. 139–151; Ševčenco I. Society and Intellectual Life in the Fourteenth Century // Actes du XIVe Congrès... P. 88–89.

Обсуждение этих и других точек зрения содержится в статье М. Бартузиса, который не только привел господствующие в историографии мнения, но и выдвинул свое видение проблемы. Исследователь справедливо рассматривает “архаизацию” как часть еще более обширной проблемы отношения византийцев к своему прошлому¹³.

Задачи нашей работы, как уже говорилось, много более скромны – ниже мы предложим еще одно возможное решение проблемы “архаизации”, рассмотренной в частном контексте византийской этнонимической классификации. В применении к этнической терминологии проблему “архаизации” вряд ли возможно решить только средствами литературной критики и поэтологии. На проблему можно взглянуть с более общих *эпистемологических* позиций, которые позволяют достичь большей ясности в понимании того, как византийцы структурировали мир вокруг них. Другими словами, следует уяснить, какими критериями тождеств и различий пользовались византийцы при построении своих этнических таксономий.

Отправной точкой последующих рассуждений стали две работы – Ж. Дагрона и С.С. Аверинцева. В одной из работ, посвященных византийским описаниям окружающих народов, Ж. Дагрон, в частности, высказал идею, что древние этникины в византийском контексте представляли собой скорее идеальные модели, обобщающие многообразие реальных единичностей¹⁴. Однако французский исследователь не дал развернутого обоснования этой мысли, находившейся на периферии развиваемых им тем. В то же время механизмы создания идеальных типов через редукцию видовых единичностей подробно рассматривались С.С. Аверинцевым на примере греческой риторики¹⁵. Оба исследователя сделали существенную попытку выйти за пределы филологических подходов в интерпретации византийской ментальности, которую ниже мы и попытаемся развить.

Как представляется, проблема метода, который мы с долей условности назовем “научным” методом греческого средневековья, выходит далеко за пределы литературной критики и поэтики. Речь должна идти не только и не столько о поэтологических конструкциях литературного текста, но много шире – именно об эпистемологических моделях, генерировавших и воспроизводивших знание, как таковое.

Решающее значение имела сама базовая логика византийского метода систематизации и классификации объектов, которую проще всего будет проиллюстрировать на примере элементарной аристотелевской логики. По своим принципам научный метод византийцев мало чем отличается от современного – оба они восходят к аристотелевской эпистемологии, которая господствовала в пространстве традиционной науки вплоть до XIX в. Ключом для понимания византийской таксономии являются две связанные пары категорий, подробно разрабатывавшихся Аристотелем и воспринятых античной и византийской наукой как фундаментальные идеи: во-первых, это –

¹³ *Bartusis M.* The Function of Archaizing in Byzantium // BS. 1995. Vol. 56/2. P. 271–278.

¹⁴ *Dagron G.* “Ceux d’en face”: Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins // TM. 1987. Vol. 10. P. 207–232 и особенно p. 214–215.

¹⁵ *Аверинцев С.С.* Риторика как подход к обобщению действительности // *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 158–190.

общее и единичное, во-вторых, – род и вид. Единичное воспринимается чувственно и присутствует “где-либо” и “теперь”. Общее – это то, что существует в любом месте и в любое время (“повсюду” и “всегда”), проявляясь при определенных условиях в единичном, через которое оно познается¹⁶. Общее постигается умом, и именно оно является предметом науки. Частное многообразие объектов, объединяемых по общности их свойств и признаков, редуцируется к условным, “общим” родовым категориям. По определению Аристотеля, “род есть то, что сказывается в сути о многих и различных по виду [вещах]”¹⁷. Еще более ясно формулирует Порфирий: “...род есть то, что сказывается о многих и различных по виду вещах, при указании существа этих вещей, а вместе с тем мы обозначаем вид как то, что подчинено разъясненному выше роду...”¹⁸.

Другими словами, родовые категории представляют собой универсальные модели и идеальные типы, которые в классификации объединяют реальные единичности (“многие и различные по виду вещи”), обладающие известными общими чертами.

Согласно описательным моделям Аристотелевой топика, “то, что род не содержит, не содержит и вид. Однако не необходимо, чтобы то, что вид не содержит, не содержал род. Но так как о том, о чем сказывается род, необходимо сказывается и какой-нибудь из его видов и так как все то, что обладает родом, или обозначено [словом], производным от этого рода, необходимо обладает одним из его видов или обозначено [словом], производным от одного из его видов”¹⁹. Виды объединяются в роды лишь по части собственных свойств, и роды, таким образом, могут объединять весьма непохожие видовые единицы, имеющие, однако, некие общие существенные черты.

В идеале родовые категории призваны охватить собой не только известные “единичные” объекты, но и вновь открываемые. В этом смысле метод византийцев идентичен современному; оба они обращены в будущее – в освоение непознанного через подобие и аналогию. Византийская таксономическая иерархия была содержательно и методологически унаследована от античности, классифицируя и систематизируя не только известные, но и новые, открываемые объекты.

Приведем несколько примеров. Зосим в V в., определяя гуннов, подводит их под классификационную (родовую) модель скифов, отчетливо при этом осознавая, что народ этот новый и не тождественный древним скифам: “Некое варварское племя поднялось на скифские народы, жившие по ту сторону Истра, которое прежде не было известным и тогда неожиданно появилось – звали их гуннами, их же следует именовать либо царскими скифами, курносым и слабым народом, как о них говорил Геродот, живущим на Истре, или же теми [скифами], которые переселились из Азии в Европу...”²⁰.

¹⁶ См., например: *Аристотель*. Метафизика. I. 2, III. 4 и т.д.; *Аристотель*. Категории. III.

¹⁷ *Аристотель*. Топика. I. V.

¹⁸ *Порфирий*. Введение // *Аристотель*. Категории / Ред. Г. Александров, пер. А.В. Кубицкого. М., 1939. III.

¹⁹ *Аристотель*. Топика. II. IV.

²⁰ *Zosime*. Histoire nouvelle / Ed. F. Paschoud. Vol. 1–3. P. 1971–1989. Vol. 2/2. IV, 20, 3 (p. 280.1–5): φῦλόν τι βάρβαρον τοῖς ὑπὲρ τὸν Ἴστρον Σκυθικοῖς ἔθνεσιν ἐπανεῖστη, πρότερον μὲν οὐκ ἐγνωσμένον, τότε δὲ ἐξαίφνης ἀναφανέν’ Οὐννοὺς δὲ τοῦτους ἐκάλουν, εἴτε βασιλείου ἀυτοῦς

Другими словами, автор отнюдь не думает, что гунны во всем тождественны скифам Геродота; в его классификации гунны – это одна из разновидностей идеального родового понятия “скифы”, аналогичная некоторым видам древних скифов.

Согласно той же логике, Атталиат, Никифор Вриенний, Иоанн Скилица и другие, сообщавшие о появлении в XI в. новой силы на Востоке – тюрко-сельджуков, единодушны в том, что тюрки были одним из разрядов гуннского типа, ставшего к тому времени родовым. Историки отнюдь не утверждали, что тюрки XI в. тождественны историческим гуннам, но лишь обозначали идеальный научный тип, к которому можно отнести недавно появившихся кочевников (см. об этом подробнее ниже).

Другой пример. В XV в. Лаоник Халкокондил подводит единичный феномен влахов под общую классификационную модель даков, а русских – под общую категорию сарматов: “Сарматия простирается от скифских кочевников (т.е. тюрков. – *Р.Ш.*) до даков и литовцев... [Сарматы] обычаями пользуются теми же, что у эллинов, а платье же носят подобное скифам...”²¹. Наиболее интересно определение Халкокондилом сарматов/русских: как видно из этого отрывка, он вполне допускает наличие весьма существенных видовых особенностей у русских, которые, однако, в конечном счете подпадают под родовую модель сарматов.

Принципиальные установки византийской науки в этом отношении не претерпели существенных изменений между V и XV вв. “Архаизация” являлась прямым следствием самого византийского метода освоения новой информации. Нет нужды в дальнейших иллюстрациях – византийские источники не знали иной логики, нежели эта, – подводить единичные видовые феномены под общие родовые категории. Многие показательные примеры такого рода собраны в упоминавшейся книге Карла Дитериха, до сих пор не потерявшей своего значения как хрестоматия по византийской этнологии.

К византийской географической и этнической терминологии вряд ли можно применять термины “архаизация” и “подражательность”; речь должна идти скорее о специфическом методе систематизации и классификации нового знания. Термин “архаизация” стоит употреблять с осторожностью в отношении византийской этнографической и географической науки как вводящие в заблуждение.

“Архаизация”, в ее применении для описания соседних народов, ни в коем случае не являлась самостоятельным принципом (как это можно понять из современных литературно-критических, поэтологических и культурных ее оценок), но была не более чем *средством* реализации неких эпистемоло-

ὄνομάζειν προσήκει Σκυθῶν, εἴτε οὖς Ἡρόδοτος φησὶ παροικεῖν τὸν Ἰστρον σιμοὺς καὶ ἀσθενεῖας ἀνθρώπους, εἴτε ἐκ τῆς Ἀσίας εἰς τὴν Εὐρώπην διέβησαν...; Dieterich K. Byzantinische Quellen... Bd. 2. S. 1.

²¹ *Laonici Chalcocondylae Historiarum demonstrationes*. T. 1–2 / Rec. E. Darkó. Budapestini, 1922–1924. T. 1. P. 122.5–12: Σαρματία μὲν οὖν διήκει ἀπὸ Σκυθῶν τῶν νομάδων ἐπὶ Δάκας τε καὶ Λιτουάνους... καὶ ἦθεσι τοῖς αὐτοῖς Ἑλλήνων διαχρόμενοι, σκευῇ τῇ Σκυθῶν παραλησιᾷ προσχρῶνται. Подробное обсуждение этого пассажа см.: *Ditten G.* Известия Лаоника Халкокондила о России (I, 122.5–126.9) // ВВ. 1961. Т. 21. С. 54–59; *Ditten H.* Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles... S. 16–17; *Бибиков М.В.* К изучению византийской этнонимии. С. 150–151.

гических установок. “Архаизация” всегда *инструментальна*, она включала новые объекты в наличное знание (преимущественно воспринятое от античной традиции) через их уподобление и аналогизацию с элементами нормативного, выверенного веками представления о составе окружающего мира. Новые объекты, оказавшиеся в поле зрения, приводились к уже известным, научным типам. Этот метод византийских интеллектуалов, искавших ключ к объяснению современного мира через установление *подобий* и *аналогий* (ср. с *σὺγκρίσις* “сопоставление”, “сравнение” в риторике²²), способствовал сохранению целостности и внутренней непротиворечивости византийской системы знаний и обеспечивал ее способность к распознаванию и систематизации новых объектов.

ЛОКАТИВНЫЙ КРИТЕРИЙ И ТЕОРИЯ КЛИМАТОВ

Проблема заключается в том, что византийская таксономическая сетка тождеств и различий, на основе которой и проводилось приведение новой информации к уже известным моделям, значительно отличалась от современной. Византийские схемы в части классификации народов существенно отличались от современных вследствие применения иных, нежели в современной науке, классификационных критериев. В отличие от современных этнических классификаций, византийцы практически не применяли *языковой критерий*. Даже в греческих моделях самоидентичности языковой критерий носил второстепенный характер, что подробно обсуждалось применительно к классической и позднеримской эпохам²³.

Именно эта последняя особенность византийской классификационной модели, отодвигавшей языковой критерий на второй план, и делает ее столь непохожей на современную. Если современная наука выставляет главным критерием в систематизации народов их языковую принадлежность, то византийское знание классифицировало народы посредством их локативных параметров. В качестве вторичного, дополнительного критерия учитывались социокультурные характеристики народов. В зависимости от места обитания народа (Галлия, Дунай, Северное Причерноморье, Кавказ, Анатолия, Ближний Восток, Северная Африка и т.д.) и его образа жизни (кочевой/оседлый) на него переносилась та или иная традиционная модель, а вместе с ней и маркирующий этникон.

По замечанию Ж. Дагрона, “la géographie commande à l’ethnologie”²⁴; как, однако, представляется, значение локативного критерия выходило далеко за пределы византийской “этнографии”. Обсудим локативный критерий более подробно. Начнем с того, что критерий географического локуса (*πατρίς*, отчизна, родина) являлся базовым в персональной идентификации византий-

²² *Аверинцев С.С.* Риторика как подход... С. 162–165. О синкрисисе подробно говорит и Г. Хунгер, приводя многочисленные примеры из византийской энкомиастики и историографии, хотя его интерпретация синкрисиса находится в пределах расплывчатой концепции мимесиса (*Hunger H.* On the Imitation (ΜΙΜΗΣΙΣ)... P. 23–27).

²³ *Zgusta L.* Die Rolle des Griechischen im Römischen Kaiserreich // Die Sprachen im römischen Reich der Kaiserzeit [Beihefte der Bonner Jahrbücher. Bd. 40]. Bonn, 1980. S. 121–122. Ср.: *Walbank F.W.* The Problem of Greek Nationality // Phoenix. 1951. Vol. 5/2. P. 41–60.

²⁴ *Dagron G.* “Ceux d’en face”... P. 215.

цев. Византиец ассоциировал себя и других своих соотечественников в первую очередь с местом рождения и соответственно с людьми, живущими там. Важная роль *πατρίς* как одного из распространенных способов идентификации человека удостоверяется моделями византийской антропоники, а именно прозвищами, которые указывают на географическое происхождение их носителей. Идентификация человека по локативному прозвищу, происходящему от места его рождения или жительства (Кесарийский, Газский, Каппадокийский, Трапезундский, Пафлагонец, Исавриец и т.д.), была обычной для Византии, унаследованной от прежних времен. Подчеркнем, что локативные прозвища указывали именно на географический локус, но не этнос или язык. Локативное прозвище считалось, по-видимому, наиболее простым и удобным способом обозначить индивидуальность человека. Причем, по общему мнению, место рождения прямо влияло на особенности характера человека, наделяя его как положительными, так и отрицательными чертами. Географический локус, сама пространственность предопределяли качества и нравы его жителей²⁵.

Внимание к географическому происхождению того или иного лица, по-видимому, имело связь с более общими “биогеографическими” идеями древнегреческой астрономии/астрологии, физиологии и географии, которые сочетались в теории климатов. Климатическая теория была продуктом развития эллинистической астрономии и географии. В астрономии-астрологии изначально под климатом (*κλίμα* – “наклон”, “склонение” от греч. *κλίνω*) понимался угол наклона полярной оси небесной сферы по отношению к горизонту, увеличивающийся по мере удаления от экватора. Причем, именно для астрологии широтные изменения были наиболее существенны – для составления гороскопа угол склонения небесной сферы в определенной точке земли имеет принципиальное значение. В географии под климатом понимался угол наклона падающих солнечных лучей к земной поверхности, от которого зависела долгота дня – на юге соответственно дни были короче, а на севере длиннее. Климатами обозначали зоны на земной поверхности, средняя долгота дня в которых различалась примерно на ½ часа, что напоминало современные временные зоны²⁶. Позже с развитием теории климатов античная

²⁵ См., например: *Costantino Porfirigenito. De Thematibus / Introduzione, testo critico, commento a cura di A. Pertusi. Città del Vaticano, 1952. II. P. 66.70–77* (о “каппадокийском” характере), VII, 72.1–2 (о “пафлагонском” характере) и т.д. См. также недавние специальные исследования на эту тему: *Magdalino P. Paphlagonians in Byzantine High Society // Byzantine Asia Minor (6th–12th Centuries) / Ed. N. Oikonomidès. Athens, 1998. P. 141 ff.*; *Burgess W.D. Isaurian Names and the Ethnic Identity of the Isaurian in Late Antiquity // The Ancient World. 1990. Vol. 21. P. 109–121*; *Haldon J. Humour and the Everyday in Byzantium // Humour, History and Politics in Late Antiquity and the Early Middle Ages / Ed. G. Halsall. Cambridge, 2002. P. 58*; *Halsall G. Funny Foreigners: Laughing with the Barbarians in Late Antiquity // Humour, History... P. 89–113*; *Шукуров П.М. Конфессия, этничность и византийская идентичность // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе / Ред. М.В. Дмитриев. М., 2008. С. 243–262.*

²⁶ *Honigsmann E. Die sieben Klimata und die ΠΟΛΕΙΣ ΕΠΙΣΗΜΟΙ: eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter. Heidelberg, 1929. S. 4–7, 13–14 u.a.*; *Bagrow L. The Origin of Ptolemy's Geographia // Geografiska Annaler. 1945. Vol. 27. P. 320–329*; *Dicks D.R. The ΚΛΙΜΑΤΑ in Greek Geography // The Classical Quarterly. New Series. 1955. Vol. 5. N 3/4. P. 248–255*; *Evans J. The History and Practice of Ancient Astronomy. New York; Oxford, 1998. P. 95–97.*

наука пришла к идее широтных зон на поверхности земли, протянувшихся с востока на запад и располагающихся с юга на север параллельно экватору. В населенной части земли выделялось 7 климатических (т.е. широтных) зон от Мероэ на юге до Борисфена (устье Днепра) на севере. Окончательное оформление идея широтных параллелей нашла у Клавдия Птолемея²⁷.

Соединение географической, физиологической и астрологической концепций привело к представлению о влиянии широтных различий на людские нравы. Еще Гиппократ формулировал зависимость природных качеств людей от влияния окружающей их природной среды²⁸. Посидоний связывал интенсивность солнечного света и влияние других небесных светил с географическими характеристиками земной поверхности, а их, в свою очередь, – с нравом живущих там народов. Крайние южный и северный климаты он определял через этникины – “эфиопский” и “скифский и кельтский” соответственно. Хотя Посидоний, по всей видимости, продолжал рассматривать климат не как широтную ленту, но как регион²⁹. Вероятно, первым артикулированно формулировал этнографический аспект климатической теории Плиний Старший, постулировавший зависимость флоры, фауны и человеческих нравов от широтной локализации³⁰.

Идея связи между географическим локусом и нравами как индивидов, так и народов отчетливо прослеживается в корпусе астрологических текстов. Особенности географического происхождения, влияющие на “культурные” особенности народов, в немалой степени обусловлены небесными светилами, в первую очередь Солнцем и Луной, которые воздействуют на различные точки на земной поверхности по-разному. Астрологические описания климатов, начиная с А. Буше-Леклерка, выделяют в особый жанр астрологической хорографии: это, как правило, краткие трактаты, содержащие соответствие различных регионов ойкумены с управляющими ими знаками зодиака и светилами³¹. Наиболее теоретически насыщенная и стройная астро-хорографическая концепция содержится в “Тетрабиблосе” Клавдия

²⁷ Honigmann E. Die sieben Klimata... S. 58–72.

²⁸ Oeuvres complètes d'Hippocrate / Ed. E. Littré. Vol. 2. P., 1840 (repr.: Amsterdam, 1961). P. 14–20. Русский перевод: Гиппократ. О воздухе, водах и местностях. 21–30 (В.В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 2); Müller K.E. Geschichte der Antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Von den Anfängen bis auf die byzantinischen Historiographen. Bd. 1–2. Wiesbaden, 1972–1980. S. 137 f.; Backhaus W. Der Hellenen-Barbaren-Gegensatz und die Hippokratische Schrift Περί ἀέρων ὑδάτων τόπων // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1976. Vol. 25/2. S. 170–185 (особенно S. 183); Dagron G. “Ceux d'en face”... P. 209–210.

²⁹ Страбон. География / Пер. с др.-греч. Г.А. Страгановский, ред. О.О. Крюгер, общ. ред. С.Л. Утченко. М., 1964. II. 1–3 (95–96), III.1; Honigmann E. Die sieben Klimata... S. 24–30; Dihle A. Die Griechen und die Fremden. München, 1994. S. 90–93.

³⁰ C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII // Ed. K. Mayhoff. Bd. 1–6. Stuttgart, 1967–1970. II. 5–6, VII. 41, особенно II. 80: Contexenda sunt his caelestibus nexa causis. Namque et Aethiopas vicini sideris vapore torreri adustisque similes gigni, barba et capillo vibrato... etc.; Honigmann E. Die sieben Klimata... S. 33–40; Trüdinger K. Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie... Basel, 1918. S. 37–38, 51ff.; Müller K.E. Geschichte der Antiken Ethnographie... Bd. 1. S. 141–142. Ср.: Halsall G. Funny Foreigners... P. 91 ff.

³¹ Bouché-Leclercq A. Chorographie astrologique // Mélanges Graux. P., 1884. P. 341–351; Idem. L'astrologie grecque. Paris, 1899. P. 327.

Птолемея³². Именно описание народов Птолемей считает важнейшей астрологической задачей: "...предсказание посредством астрономии обнимает два самых больших и важных раздела... первый и в большей степени родовой охватывает относящееся к целым народам, странам и городам и называющийся всеобщим, а второй и по большей части видовой – это раздел, относящийся к отдельным людям, именуемый генефлиадиальным..."³³. (Отрывок, помимо прочего, ярко демонстрирует использование родовой-видовой систематизации в научном дискурсе.) Чуть ниже Птолемей говорит: "Итак, разграничение своеобразия народов осуществляется по целым параллелям и углам, через их положение относительно проходящего через середину зодиака круга и Солнца..." и далее подробно развивает эту идею на многочисленных частных примерах³⁴. Астрономическая этнография Птолемея детально исследовалась А. Буше-Леклерком, Э. Хонигманном и Марком Рили, и мы к ней еще будем возвращаться.

Согласно общепринятым идеям, выводимым из астрологических и географических представлений, превосходство римлян и греков состоит в том, что они живут в срединной части ойкумены, находясь в наиболее благоприятном климате, который сочетает идеальный баланс между горячей и холодной натурой. Другие народы находятся в регионах, располагающихся слишком далеко от климатического равновесия, что приводит к определенному дисбалансу в их натурах. Только римляне и греки, проживающие в срединной части цивилизованной ойкумены, обладают гармоничным национальным характером³⁵.

Теория климатов была хорошо известна в поздневизантийское время. Георгий Пахимер в XIV в. повторяет традиционную античную схему, утверждая, что природные способности людей, их характер и темперамент зависят от силы солнечного света и теплоты климата. Южане, которые получают больше солнечного света, – умны, способны в области искусств и наук, но слишком изнежены и неумелы в бою; северяне же, живущие в условиях холодного климата, – бледны, недалеко, жестоки, грубы, но и более воинственны. Географическое положение, как объясняет Пахимер, прямо влияет на характер, предрасположенность и природные способности человека³⁶.

³² *Idem*. L'astrologie grecque. P. 338–355; *Honigmann E.* Die sieben Klimata... S. 41–50; *Riley M.* Science and Tradition in the "Tetrabiblos" // Proceedings of the American Philosophical Society. 1988. Vol. 132/1. P. 67–84.

³³ *Claudii Ptolemaei Opera quae exstant omnia* / Ed. E. Boer, F. Boll, secundis curis edidit Wolfgang Hübner. T. 3/1. Stuttgart, 1998. II. 1.2: εἰς δύο τοῖνυν τὰ μέγιστα καὶ κυριώτατα μέρη διαιρουμένου τοῦ δι' ἀστρονομίας προγνώστικοῦ, καὶ πρώτου μὲν ὄντος καὶ γενικωτέρου τοῦ καθ' ὅλα ἔθνη καὶ χώρας ἢ πόλεις λαμβανομένου, ὃ καλεῖται καθολικόν, δευτέρου δὲ καὶ εἰδικωτέρου τοῦ καθ' ἕνα ἕκαστον τῶν ἀνθρώπων, ὅπερ καλεῖται γενεθλιαλογικόν.

³⁴ *Ptolem.* Opera. II. 2. 1: Τῶν τοῖνυν ἔθνικῶν ἰδιωμάτων τὰ μὲν καθ' ὅλους παραλλήλους καὶ γωνίας ὅλας διααιρεῖσθαι συμβέβηκεν ὑπὸ τῆς πρὸς τὸν διὰ μέσων τῶν ζφιδίων κύκλον καὶ τὸν ἥλιον αὐτῶν σχέσεως.

³⁵ *Riley M.* Science and Tradition in the "Tetrabiblos". P. 76; *Dauge Y.A.* Le barbare: recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. Bruxelles, 1981. P. 806–810.

³⁶ *Pachymères.* Relations Historiques / Éd. A. Failler. Vol. 1. P., 1984. III. 3 (p. 236/237 и особенно p. 237. 3–7). Подобные примеры из военных трактатов предыдущих эпох см.: *Dagron G.* "Ceux d'en face"... P. 211–215. Об обсуждаемых рассуждениях Пахимера см. также: *Успенский Ф.И.* Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // ВВ. 1926. Т. 24.

Подобные рассуждения (хотя и не столь подробные и концептуальные) встречаются и у других авторов³⁷.

В византийское время климатическая теория продолжала находиться в тесной связи с астрологией. Получил распространение жанр особых списков πόλεις ἐπίσημοι, “знаменитых городов”, представлявших собой перечисление главных городов ойкумены (преимущественно греко-римской) с указанием их координат, которые группировались по широтным климатам³⁸. В XIV в. астролог Иоанн Катрарий вполне закономерно в контексте греческой астрологии связывал судьбы народов с их с локализацией. Он выделял семь широтных климатов и устанавливал зависимость их от конкретных планет и знаков зодиака. В его описании занимаемое место в климате и соответствующая зона небесной сферы влияют на судьбы городов, а следовательно, и людей, живущих там³⁹.

Как мы видим, астро-географический детерминизм, коренящийся в античной традиции, оставался функциональным и в мировидении византийцев. Пространственные обстоятельства рождения (небесные и земные) как отдельного человека, так и сообщества людей находились в прямой зависимости от локуса.

Существенное значение локативного аспекта для формирования персональных характеров и коллективных черт людских сообществ выдвигало на первый план географическое знание. В географии византийцы вплоть до XV в. придерживались выработанной в античности карты мира, опираясь преимущественно на Страбона. “География” Птолемея была известна византийцам, но использовалась мало. После введения “Географии” Птолемея в научный оборот Максимом Планудом в 1295 г. ее влияние усилилось – византийские географы корректировали Страбонову и Птолемееву системы через их сравнение и добавление новых сведений⁴⁰. Пространства на север от Дуная и далее на восток до края обитаемой части земли географы продолжали классифицировать как Скифию, которая на юг простиралась до реки Инд. Каспийское море по-прежнему рассматривалось заливом Океана или озером, отделенным от Океана узкой полосой земли. В Скифии у Каспийского моря упоминались земли гуннов, гирканцев, массагетов, тохаров, сарков и т.д. На Ближнем Востоке они выделяли Месопотамию, Персию, Аравию, Мидию, Армению и т.д. При этом вся поверхность обитаемой части

С. 1–8; *Laiou A.E. The Black Sea of Pachymeres // The Making of Byzantine History. Studies dedicated to D.M. Nicol. L., 1993. P. 109–111.*

³⁷ См., например: *Eustathius Thessalonicensis. Commentarium in Dionysii periegetae orbis descriptionem // Geographi Graeci Minores / Ed. K. Müller. T. 2. P., 1861. P. 258, 265, 339.*

³⁸ *Honigmann E. Die sieben Klimata... S. 82–92.*

³⁹ *Anonymi christiani Hermippus de astrologia dialogus / Ed. W. Kroll, P. Viereck. Leipzig, 1895. 2.12–14 (p. 51–58), особенно p. 56–58; Bouché-Leclercq A. L'astrologie grecque. P. 322–323, 346–347; Honigmann E. Die sieben Klimata... S. 100–101; Бородин О.П., Гукова С.Н. История географической мысли в Византии. СПб., 2000. С. 126.*

⁴⁰ *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur... Bd. 1. S. 509–514; Бородин О.П., Гукова С.Н. История географической мысли в Византии. С. 126–132 и сл.; The History of Cartography / Ed. J.V. Harley, D. Woodward. Vol. 1. Chicago; London, 1987. P. 268; Laiou A.E. The Black Sea of Pachymeres. P. 95.*

земли делилась на семь климатов⁴¹. Другими словами, византийцы восприняли корпус античной географии, которая и давала им базовую научную терминологию для описания современного им мира.

Как в античной, так и в византийской науке этническая терминология, как правило, находилась в зависимости от топонимики и следовала ей. В одном из своих рассуждений Никифор Григора ясно отразил зависимость названий этнических от географических. В известном пассаже о монгольских и тюркских кочевниках Северного Причерноморья он говорит: “[Скифы] – народ чрезвычайно многолюдный, распространенный севернее всей нашей ойкумены, не до самого северного полюса, но все же вплоть до самых северных параллелей, на которые разделена вся ойкумена. Так передают нам древние историки, и так мы сами, насколько это возможно, обнаружили по своему многолетнему изучению... Древние мудрецы дают нам их название по-разному. Гомер называет их киммерийцами, Геродот, описавший персидские войны, – скифами разных [племен], херонеец Плутарх – кимврами и тевтонами... Они имеют каждый на своем языке настоящее свое название. Те же, которые пользуются греческими их названиями, называют их по-разному, каждый как захочет, смотря по тому, какие места занимают они, разливаясь по нашей ойкумене подобно потоку”⁴². Таким образом, как указывает Григора, племена обычно именовались по географическому локусу ими занимаемому. Причем, утверждение Григоры о том, что в византийском мире каждый их называет, как захочет, показывает, что сами византийцы отчетливо осознавали условность научных названий, унаследованных от древности.

Таким образом, античная этническая и географическая модели, равно, как и идея климатического происхождения расовых различий, в византийскую эпоху оставались общепринятыми способами объяснения мира. Название народов находилось в тесной связи с географическими пространствами, ими занятыми, а нравы народов зависели от климатических особенностей географического локуса.

В свете сказанного вполне понятна преданность византийцев традиционной географической и этнической номенклатуре – древние топонимы и этнонимы были не просто именами, но *концептами*, содержащими в себе указания на происхождение, внутреннюю структуру и смысл обозначаемого

⁴¹ *Nicephorus Blemmydes. Conspectus geographiae // Geographi Graeci Minores / Ed. K. Müller. T. 2. P., 1861. P. 463–467; Idem. Ἐτέρα ἱστορία περὶ τῆς γῆς // Ibid. P. 469–470; The History of Cartography. Vol. 1. P. 266–267.*

⁴² *Nicephori Gregoras. Byzantina historia / Ed. L. Schopen, I. Bekker. Vol. 1–2. Bonn, 1829–1830. Vol. 1. P. 30.24–32.19: “Ἔθνος ἐστὶ πολυανθρωπώτατον, βορειότεραν πολλῶ τὴν οἰκῆσιν ἔχον ἢ κατὰ πᾶσαν τὴν καθ’ ἡμᾶς οἰκουμένην, οὐδαμῶς μὲν ἐς ἀκρίβειαν ὑπὸ τὸν ἀρκτικὸν πόλον, παρὰ τοὺς ἀρκτικωτάτους δ’ οὖν ὄμως ἐνδιαιτώμενον παραλλήλων ἀπάντων, ὅποσοι τὴν οἰκουμένην ἄπασαν περιγράφουσιν, ὡς οἱ τὰς παλαιὰς τε ἱστορίας συνθέντες παρέδοσαν τοῖς ἐπιγενομένοις ἡμῖν, καὶ αὐ ἡμεῖς, καθόσον ἐξῆν, ἐκ τῆς τοῦ χρόνου ζηνήκαμεν πείρας (...). Τὴν γε μὴν προσηγορίαν αὐτῶν διαφόρως ἡμῖν οἱ πάλαι σοφοὶ διεπύρθηυσαν. Ὁμηρὸς μὲν γὰρ Κιμμερίουσ ἀυτοῦσ καλεῖ, Ἡρόδοτοσ δὲ ὁ τὰ Περσικὰ συγγραψάμενοσ Σκύθασ πολυειδεῖσ, ὁ δὲ Χαίρωνεὺσ Πλούταρχοσ Κίμβροσ καὶ Τεύτονασ... τὴν μὲν γὰρ κυρίαν αὐτῶν προσηγορίαν αὐτοὶ ἀν κατὰ τὴν σφῶν αὐτῶν εἶδειεν διάλεκτον. οἱ δ’ Ἑλληνικοῖσ ὀνόμασιν ἐπ’ αὐτῶν χρώμενοι, ἄλλοτε ἄλλωσ, ὡσ ἕκαστοι βούλοιντο, τούτοσ προσαγορεύουσιν, ὅποσοι ἐκεῖθεν χεϊμάρθου δίκην ἐσ τὴν καθ’ ἡμᾶσ οἰκουμένην ἐπὶ ῥέοντεσ, ἄλλοτε ἄλλοσ ἐπιλαμβάνουσι τόπουσ...*

ими феномена. Концепты “скиф”, “перс” и др. изначально несли в себе значимую информацию об обозначаемых ими объектах (среда обитания, нравы и обычаи, способы ведения войны и т.д.) и помещали эти объекты в некий таксономический ряд⁴³.

ДВУХЧАСТНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ: РОДЫ И ВИДЫ

В конечном счете византийский метод приводил к парадоксальному, на современный взгляд, перееносу древней терминологии на новые средневековые реалии, что современного исследователя нередко вводит в замешательство. Однако тут парадоксального мало, ибо наша, современная научная таксономия работает принципиально так же, используя родовые и видовые категории, возникшие в разное время и часто весьма условные. И мы, например, употребляем именованья “Америка”, “Австралия” и многие другие лишь в силу научной традиции, но не от того, что они адекватно отражают какие-либо специфические географические или этнические характеристики. Отличие византийской классификации от современной заключается лишь в использовании разных квалификационных критериев.

Следует признать вместе с тем, что античная и византийская “этнологические” теории обладали меньшей последовательностью и строгостью в сравнении с современными, поскольку, по той или иной причине, они так и не были подвергнуты проблематизации и категориальной проработке. Это почувствовал Страбон, которому принадлежит весьма меткое критическое замечание о древней этнологии: «Я утверждаю, например, что, по представлению древних эллинов, подобно тому, как они называли жителей знакомых им северных стран одним именем “скифов” (или “номадов” как у Гомера) и как позднее, когда познакомились с жителями западных стран, те были названы кельтами, иберийцами или составным именем кельто-иберийцами и кельто-скифами, потому что вследствие неведения отдельные народы в каждой стране подводились под одно имя (ὅφ' ἐν ὄνομα τῶν καθ' ἕκαστα ἔθνων ταυτομένων διὰ τὴν ἄγνοϊαν)...»⁴⁴. Страбон ощутил ограничение метода, однако дело тут было не столько в ἄγνοια, “неведении”, сколько в самих механизмах освоения новой информации, которая подводилась под уже известные родовые категории. Приводимое выше высказывание Григоры о произвольности применения тех или иных родовых именованья к новым народам созвучно критике Страбона (хотя Григора не говорил, что эта произвольность была следствием “незнания”)⁴⁵.

Можно также и переформулировать замечание Страбона в том смысле, что слабая сторона античной, а вместе с ней и византийской таксономии заключалась в ее малой детализации. Византийская таксономическая шкала

⁴³ Ср. с близкими толкованиями этнонима как некоего концепта, вмещающего в себя многообразную культурную информацию: *Guóni M.* Le nom de βλάχοι dans l'Alexiade d'Anne Comnène // *BZ.* 1951. Bd. 44. S. 246–247 (“влах” как образ жизни); *Бибиков М.В.* К изучению византийской этнонимии. С. 155–156 (этноним как географо-культурно-бытовой концепт).

⁴⁴ *Strabonis Geographica* / A. Meineke. Bd. 1–3. Leipzig, 1877 (repr.: 1969). Bd. I. 2. II. 27. 9–10; *Страбон.* География. С. 40.

⁴⁵ См. выше раздел “Локативный критерий и теория климатов”.

недостаточно детально и оперирует преимущественно парными разрядами роды (общее) и виды (частное). Более сложная, чем эта базовая *двухчастная* классификация в отношении варваров северо-востока и востока, чаще всего не возможна. Это не должно удивлять, ибо к таксономической двухчастности тяготел в своих рассуждениях и Аристотель, часто оперировавший той же двухчастной схемой род–вид, не ставя задачей создавать многоуровневую иерархическую систему.

Византийцы восприняли методологические преимущества и недостатки античной науки. Отмеченные особенности византийской парадигмы освоения новой информации проявили себя в полной мере в византийской номенклатуре тюркских народов. В византийских представлениях о тюрках в силу описанных выше причин, как мы увидим ниже, присутствовала значительная доля непоследовательности и противоречивости (даже в рамках самой античной и византийской науки).

РОДОВЫЕ КАТЕГОРИИ

Прежде всего следует сказать, что тюркские народы подпадали под наиболее общее именование “варвары”. В византийскую эпоху “варвары” противостояли не столько “эллинам”, как это было в классическую и эллинистическую эпохи⁴⁶, сколько “римлянам”, Ῥωμαῖοι. Переход от модели Ἐλληνας καὶ βάρβαροι к Ῥωμαῖοι καὶ βάρβαροι, с привнесением в римскую имперскую идентичность христианской компоненты, в деталях описывался Килианом Лехнером. Как показал К. Лехнер, концепт “варвар” носил безусловно негативный смысл и был дополнительным (Komplementärbegriff) к концепту “римлянин”. Базовая бинарная модель Ῥωμαῖοι καὶ βάρβαροι делила все человечество на “своих”, т.е. христиан и граждан Римской/Византийской империи, и всех остальных, находящихся за пределами империи⁴⁷. При этом следует подчеркнуть, что “варварство” было политико-культурным концептом, но ни в коем случае не этнонимом. Мы сейчас не будем углубляться в политическую и культурную полисемантическую определенность “варвар”, в особенности в его применении к описанию “римского” Своего, т.е. подданных Римской державы⁴⁸. В данном контексте достаточно обозначить, что тюрки рассматривались как одна из частей *внешнего* Римской империи варварского мира.

Далее, для описания тюркских народов наиболее универсальной была традиционная классификационная модель скифских кочевников с последующими ее модификациями. Именование Σκύθαι (скифы) маркировало особый класс народов, живущих на север и северо-восток от устья Дуная, в

⁴⁶ *Dihle A.* Die Griechen und die Fremden. S. 36–53, особенно S. 44–49; *Idem.* Die Wahrnehmung des Fremden im Alten Griechenland. Akademievorlesung gehalten am 29. Oktober 2002 // Berichte aus den Sitzungen der Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften e.V., Hamburg. Jahrg. 21. Heft 2. Göttingen, 2003. S. 3–30; см. также репрезентативный сборник статей разных авторов за несколько последних десятилетий: *Greeks and Barbarians* / Ed. Th. Harrison. N.Y., 2002.

⁴⁷ *Lechner K.* Hellenen und Barbaren... S. 10–37, 73–83; *Idem.* Byzanz und die Barbaren // *Saeculum*. 1955. Bd. 6. S. 292–294.

⁴⁸ *Dauge Y.A.* Le barbare... P. 307–378.

Северном Причерноморье и далее на восток вплоть до пределов обитаемой земли и океана. Помимо главного локативного признака при построении этнических классификаций византийцы (вновь вслед за античной наукой) применяли дополнительные социо-культурные критерии. Как известно, античная наука различала три основных типа варварских обществ: 1) оседлые варвары, 2) варвары-охотники, 3) кочевники-скотоводы⁴⁹. Согласно этой классификации, все народы севера и северо-востока, которые вели кочевой образ жизни, подпадали под разряд “скифы”. Общеизвестность и функциональность этого идентификационного критерия подчеркивается многочисленными ссылками византийских авторов на кочевой быт скифов/тюрков, в источниках они именуется νομάδες, ποιμνίται, σκηῖται⁵⁰. В XIII в. Никифор Влеммид, опираясь на Дионисия Периегета, продолжал классифицировать все кочевые народы, населяющие северо-восток, обобщенно как скифов⁵¹. В XIV в. Северное Причерноморье (включая Крым) обозначено как ἡ Σκυθία у Иоанна Кантакузина, который именовал “скифами” золотоордынцев⁵².

Тюркские народы соответствовали и другому дополнительному критерию, характеризующему “скифский” тип, развиваемому преимущественно военной мыслью: тюрки, как и скифы, воевали верхом, были лучниками и представляли собой легкую, весьма подвижную кавалерию⁵³. Эта особенность военного дела тюрков (как северных дунайских, так и анатолийских) стала общим местом в византийской историографии в XI–XV вв. и в подробностях описывается у многих авторов от Атталиата до Никифора Григоры. Тюркские военные контингенты в византийской армии (печенег, узы, половцы, анатолийские тюрки) выполняли функции легкой кавалерии⁵⁴.

В астрологической хорографии скифы характеризовались приверженностью к кочевому образу жизни, примитивностью социальной организации, бедностью, невежеством, воинственностью, что вполне совпадало и с мнением историков и географов. Клавдий Птолемей подтверждает родовой характер именованного “скиф”, говоря о жителях северо-восточной части ойкумены, что “обобщенно мы называем их скифами” (καλοῦμεν δὲ τοὺτους ὡς ἐπίπλαν Σκυθαί). Живущие в этой части ойкумены испытывают холод Полярного круга и влажность, присущую этому региону, поэтому они белокожи, имеют прямые волосы, высокий рост, хорошее телосложение и холодный темперамент; их обычаи варварские в силу холода, царящего в их жилищах. Холодный характер климата предопределяет и фауну, и флору регио-

⁴⁹ Müller K.E. Geschichte der Antiken Ethnographie... Bd. 1. S. 120 f.

⁵⁰ Vryonis Sp. Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 48–49.

⁵¹ Nicephorus Blemmydes. Conspectus geographiae. P. 464.3–6: εἰσὶ δὲ καὶ ἄλλοι πυκνοὶ Σκυθαί, οἵτινες κατοικοῦσιν εἰς τὰ ἔσχατα μέρη, ὅπου οἱ ἄνεμοι δυσάνεμοι καὶ χάλαζαι εἰσὶ, καὶ ἔστι τὸ μέρος ἐκεῖνο ἀόικητον. Ср. также Ibid. P. 468.1.

⁵² Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri iv / Ed. L. Schopen. Vol. 1–3. Bonn, 1828–1832. IV. 26 (Т. 3. P. 192.7 и ниже).

⁵³ Подробнее см.: Pohl W. Telling the Difference: Signs of Ethnic Identity // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / Ed. W. Pohl. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 28–30.

⁵⁴ См., например: Birkenmeier J. The Development of the Komnenian Army. 1081–1180. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 27, 81, 91, passim; Bartusis M. The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992. P. 257–258, 330.

на⁵⁵. Птолемей помещает скифские земли в тригон, управляемый зодиакальными знаками Близнецов, Весов и Водолея; наибольшее влияние на него оказывает Водолей, а из планет – Сатурн, соправителем которого выступает Юпитер. Народы, населяющие эту часть света, целомудренны, благородны, честны, преданы, готовы на самопожертвование. Однако преобладающее влияние Водолея на скифские пределы делает их характер грубым, непреклонным и несдержанным⁵⁶.

Однако астрологи не были согласны в некоторых существенных деталях. Наряду с Птолемеевой схемой соответствий между географическими регионами и знаками зодиака и планетами существовало несколько других. Марк Манилий (I в.) считал, что Скифия, Азия и Аравия находятся под управлением Тельца. Под покровительство Тельца Скифия помещена и у Веттия Валенса (II в.)⁵⁷. В одном из астрологических текстов XI в. разногласия относительно соответствий земель и небесных объектов сведены в сравнительную таблицу⁵⁸. Как считал О. Буше-Леклерк, эти соответствия, как и разногласия о них, носили довольно произвольный характер. В XIV–XV вв. Τουρκία (т.е. Скифия) под влиянием иранской астрологии привязывалась к зодиакальному знаку Льва и к Марсу⁵⁹.

В исторических источниках под категорию скифов в разные эпохи подвели гуннов, древних тюрок, хазар, аваров, болгар, венгров, печенегов, узов, куманов (половцев), монголов и татар; кроме того, скифами называли анатолийских тюрок – тюрок сельджукской эпохи и тюрок-османов, о чем более подробно речь пойдет ниже⁶⁰. В XI–XIV в. категория “скифы” приобретает несколько ограничительный смысл как обозначение северных кочевников (печенегов, половцев и золотоордынцев) в противопоставление “персам” Анатолии и Ирана, однако об этой оппозиции мы будем говорить подробнее позже в рубрике, посвященной “персам”.

Византийцы впервые встретились с алтайскими народами в IV в. в лице гуннов, по всей видимости, близкородственных позднейшим тюркам. Хотя, возможно, что о гуннах в греко-римском мире знали уже с начала нашей эры (Οὐννοί, Χοῦνοί). Клавдий Птолемей считал Χοῦνοί одним из племен Сарматии⁶¹. Уже в VI в. можно наблюдать перемещение именованья “гунн” из видовой категории в родовую: Агафий Миринейский считал именованья

⁵⁵ Bouché-Leclercq A. L'astrologie grecque. P. 344–345; Ptolem. Opera. II. 2. 2.

⁵⁶ Ptolem. Opera. II. 2. 3. О бытовом и этическом наполнении концепта “скиф” в литературе до XII в. см. теперь: Крюков А.М. Византийцы и их соседи в проповедях Михаила Хониата // Причерноморье в Средние века / Ред. С.П. Карпов. СПб., 2009. Вып. 7. С. 33–53.

⁵⁷ Vettius Valens. Anthologiarum libri novem / Ed. D. Pingree. Leipzig, 1986. P. 7.14–15 (I. 2).

⁵⁸ См.: Αὶ ἡώραὶ συνοικεῖσθαι τοῖς ἰβ' ζῳδίοις // Anecdota Astrologica / Ed. A. Ludwich. Lipsiae. 1877. P. 112–119; Bouché-Leclercq A. Chorographie astrologique. P. 343–350.

⁵⁹ Catalogus codicum astrologorum graecorum. T. 1–12. Bruxellis, 1898–1936 (Далее: CCAG). Т. 4. P. 126 (XV в.); Т. 5/2. P. 138 (XIV в.); Т. 5/3. P. 131 (XIV в.); Т. 9 /1. P. 160 (XV в.). Ср.: Miquel A. La géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du 11e siècle. II : Géographie arabe et représentation du monde: la terre et l'étranger. P., 1975 (réimpr. 2001). P. 34–50.

⁶⁰ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 279–283.

⁶¹ Claudii Ptolemaei Geographia / Ed. K. Müller. T. 1.1. P., 1883. III. 5, 10. 21. См. также: Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 209–210 (статья “Гунны”).

ния “скиф” и “гунн” синонимичными⁶². Гунны с этих пор и далее используются как полный синоним “скифов”, выступая как родовая маркировка для болгар, аваров, древних тюрков, узов, венгров, куман (половцев); гуннами обозначали и анатолийских сельджукских тюрков и изредка османов⁶³. В позднюю эпоху в отношении “гуннов” происходит колебание категориального статуса, колеблющегося между родовым и видовым. В XII в. гуннами именовали венгров, низводя тем самым эту категорию на уровень видовой (Иоанн Киннам, Никита Хониат), ибо венгры считались одновременно скифским народом⁶⁴.

Именно к причерноморским тюркам Тюркского каганата впервые византийцы стали применять этникон *Toûrκοι* (VI в.). Византийцы их квалифицировали как разновидность “скифов” и “гуннов”⁶⁵. Во второй половине VI в. для Маврикия “скифы” и “гунны” являются полными синонимами и общими категориями, а *Toûrκοι*, наряду с *Ἀβάρεις* – лишь дополнительной, видовой⁶⁶. Еще в середине VII в. Симокатта свидетельствовал, что в его время именование *Toûrκοι* присутствовало преимущественно в обыденном языке и, следовательно, имело видовой статус: “Это были гунны, жившие на востоке по соседству с персами, которых большинство более привыкло называть тюрками...”⁶⁷.

Этникон *Toûrκοι* был заимствован из среднеперсидского языка (именно так именовали иранцы тюрков Тюркского каганата), на что указывал Феофилакт Симокатта⁶⁸. От иранцев этникон “тюрк” примерно в то же время проник и в арабскую среду, где он впервые фиксируется письменно в доисламской поэзии начала VII в.⁶⁹ Мусульманская этнографическая наука, в большей степени ориентированная на языковой критерий, чем античная и византийская, употребляла этноним “тюрки” (перс. *ترک* / мн. ч. *ترکان*; араб. *ترک* / мн. ч. *اتراک*) в современном смысле, обозначая им близкородственных

⁶² *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque* / Ed. R. Keydell. B., 1967. P. 177.1–2: οὗτοι δὲ ἄπαντες κοινῇ μὲν Σκύθαι καὶ Οὐννοὶ ἐπωνομάζοντο.

⁶³ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*. Bd. 2. S. 231–237.

⁶⁴ *Ibid.* S. 280 (Σκύθαι) и S. 235 (Οὐννοὶ): иллюстрации из Константина Багрянородного, Льва Диакона, Никиты Хониата, Иоанна Киннама и др.

⁶⁵ *Menander Protector. Excerpta de legationibus* / Ed. C. de Boor. Berolini, 1903. P. 204.6–7; *Dexippi, Eunarii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri Historiarum quae supersunt*. Bonnae, 1829. P. 297–298 (Менандр).

⁶⁶ *Mauricius. Arta militaria* / Ed. H. Mihaescu. București, 1970. XI.2. (p. 268–269): “Как нужно справляться со скифами, то есть аврами и тюрками и другими гуннскими народами, ведущими подобный образ жизни” (Πῶς δεῖ Σκύθαις ἀρμόζεσθαι, τούτέστιν Ἀβάροις καὶ Τοῦρκοῖς καὶ λοιποῖς ὁμοδαίτοις αὐτῶν Οὐννικοῖς ἔθνεσιν;) и другие примеры см. Index. P. 384 (Οὐννικὸν ἔθνος; Σκυθικὸν ἔθνος).

⁶⁷ *Simocatta*. I. 8. 5: Οὐννοὶ δ’ οὗτοι, προσοικούντες τῇ ἔῳ, Περσῶν πλησιόχωροι, οὓς καὶ Τοῦρκους ἀποκαλεῖν τοῖς πολλοῖς γινωριώτερον...

⁶⁸ *Theophylacti Simocattae Historiae* / Ed. C. de Boor, corr. P. Wirth. Stuttgart, 1972. III. 6. 9: τῶν Οὐννων τοιγαροῦν τῶν πρὸς τῷ βορρῆ τῆς ἔῳ, οὓς Τοῦρκους ἔθος Πέρσαις ἀποκαλεῖν. Русский перевод см.: Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1957. Это повторено и Константином Багрянородным: *Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta* / Ed. C. de Boor. Vol. 1: *Excerpta de legationibus*. Pt. 1–2. B., 1903. Pt. 1. P. 223.1–2. См. также: *Dieterich K. Byzantinische Quellen...* Bd. 2. S. 24.

⁶⁹ *Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente in Neupersischen*. Bd. 1–4. Wiesbaden, 1963–1975. Bd. 2. S. 490.

по языку и происхождению народы и племена, которых и мы сейчас называем тюрками.

Именованье Тоῦρκοι с IX в., будучи примененным к хазарам, венграм и тюркам на службе у халифата, начинает выполнять роль родовой категории⁷⁰. С этих пор “тюрки” как родовой концепт отчасти оттесняет “гуннов”, маркируя все тюркские народы, попадавшие в поле зрения Византии. Насколько мне известно, в исторической литературе тюрками нигде не названы лишь тюркские кочевники узы и печенги, хотя это вовсе не означает, что их не считали подпадающими под общую категорию Тоῦρκοι. Именованье Тоῦρκοι являлось общепринятым и для обозначения анатолийских тюрков – как тюрков-сельджуков, так и турок-османов, причем для маркировки последних оно являлось наиболее употребительным⁷¹. Наряду с “тюрками” византийские писатели продолжали называть кочевников Причерноморья и Анатолии “скифами” и “гуннами”.

Интересна трансформация этнонима Тоῦρκοι в топоним Тоῦρκία, который с IX в. превращается в полный эквивалент “Скифии”, обозначая северные земли от Подунавья (включая земли венгров) до Каспия. В этом значении топоним употребляется вплоть до поздневизантийского времени. В поздних астрологических трактатах Тоῦρκία применяется для обозначения именно северных климатов. Однако начиная с XI в. как Тоῦρκία определяют и тюркскую Анатолию, а в османское время она становится обычным названием для Османского султаната⁷².

Таким образом, наиболее *общими* родовыми категориями, обозначавшими алтайские кочевые народы, происходившие из регионов севернее и восточнее Дуная, Черного моря и Каспия, являлись Σκύθαι, Οὐννοί и Тоῦρκοι. Эти три термина представляли собой синонимический ряд, из которого византиец был волен выбирать любую из категорий. Наиболее устойчивым, общепринятым и широким было именованье Σκύθαι, которое в идеале охватывало собою все кочевые народы (а у некоторых авторов даже и оседлые), живущие на север от цивилизованной ойкумены. Неологизмы Οὐννοί и Тоῦρκοι часто выступают полными синонимами “скифов”, но в их употреблении наблюдается определенная ограничительная тенденция: для некоторых тюркских народов, подпадавших под классификацию “скифы”, мы не имеем сведений, чтобы их называли гуннами и тюрками. Тем не менее, по крайней мере к XI в., категории гунны и тюрки, наряду со скифами, несомненно, принадлежали к высшему родовому разряду в классификации.

⁷⁰ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 321–322.

⁷¹ Ibid. S. 322–325.

⁷² Ibid. S. 320; Τραπεζουντιακὸν ὠροσκόπιον τοῦ ἔτους 1336 / ἐκδ. Σπ. Λάμπρος // NE. T. 13. 1916. P. 33: “Τοῦρκίαν καὶ Ταταρίαν”. Несомненно, Тоῦρκία тут обозначает северные климаты, но не Анатолию, как считал Д. Моравчик и вопреки прежним толкованиям автора этих строк (Шукуров Р.М. Трапезундский гороскоп 1336/1337 г. и проблема горизонтов жизненного мира // ВВ. 1999. Т. 58. С. 54; Shukurov R. Horizons of Daily Interest // ВВ. 1999. Bd. XXV. P. 8. См. также неучтенные у Д. Моравчика: ССАГ. Т. 4. P. 126.7–8; Т. 5/2. P. 138.9; Т. 5/3. P. 131.17; Т. 9/1. P. 160.5 ff. Как обозначение османских земель см., например: Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken. Bd. I–III. Wien, 1975–1979. N 65. III. 30: ἐγένηκε πείνα μεγάλη εἰς τὴν Τοῦρκίαν ὄλην καὶ μάλιστα εἰς τὴν Κωνσταντινούπολιν.

ВИДОВЫЕ КАТЕГОРИИ

Видовые категории (т.е. *единичное*) представляли собой более низкий таксономический разряд, который маркировал собою единичные народы и племена, подпадающие под общий родовой признак скифов, но обладающие некоторыми существенными отличительными особенностями. Причем, среди видовых категорий встречаются как традиционные именованья, восходящие к античности или ранневизантийскому времени, так и новые. Вопреки обвинениям в слепой имитации античности и либо нежеланию, либо неспособности воспринимать новое в византийскую номенклатуру проникало большое число новых этнонимов, нередко происходивших от самоназвания народов ими представленных. Эта новая этнонимия, судя по сохранившимся примерам, чаще всего сначала появлялась на уровне обыденного дискурса и лишь по прошествии времени воспринималась научным дискурсом, представленным литературной историографией.

Существовало несколько способов видовой маркировки. Во-первых, использовалась традиционная номенклатура, как, например, довольно употребительный этникон *Μασσαγῆται* (массагеты), который применялся к гуннам, аланам, древним тюркам, монголам, татарам, восточным тюркам⁷³.

Массагетами обозначали кочевые народы, в целом подпадающие под родовое понятие скиф⁷⁴, но происходящие из регионов северо-восточнее Каспийского моря, как это ясно обозначил Лаоник Халкокондил в своем рассказе о происхождении Тамерлана (которого он считал по происхождению массагетом)⁷⁵. Понятие “массагеты” носило явственный ограничительный характер в сравнении с категорией “скифы” – термин “массагеты” применяли чаще всего тогда, когда хотели подчеркнуть происхождение народа с крайних, закаспийских степей северо-востока. Именно поэтому в поздневизантийское время оно применялось по отношению к монголам и восточным тюркам Михаилом VIII Палеологом⁷⁶, Псевдо-Сфранзи, Халкокондилем и др. Вместе с тем это употребление не было устойчивым. Если старший современник Михаила Палеолога Никифор Влеммид локализует массагетов справа от Каспия, южнее Хорезма (т.е. достаточно далеко на восток)⁷⁷, то младший современник Михаила VIII Палеолога Никифор Григора после-

⁷³ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 183.*

⁷⁴ Ср., например: *Stephan von Byzanz. Ethnika / Ed. A. Meineke. B., 1849. P. 435.16: Μασσαγῆται, ἔθνος Σκυθῶν...*

⁷⁵ *Chalcocondylae...* Т. 1. P. 109.23–110.1: “[Гирканское море] именуют также и Каспием по имени тамошнего народа; граничит оно на юге с саками, а также и с кадусиями на протяжении 30 000 стадий, а с востока и севера – массагетами” (λέγεται δὲ αὕτη καὶ Κασπία ἐς τὴν τοῦ ἔθνους τούτου ἐπωνυμίαν· διήκει δὲ κατὰ μεσημβρίαν Σάκας τε ἔχων καὶ Καδουσίους ἐπὶ σταδίουσιν τρισμυρίου, πρὸς ἕω δὲ καὶ βορρᾶν Μασσαγῆτας...).

⁷⁶ *Grégoire H. Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua // Byzantion. 1959–1960. Т. 29–30. P. 453 (пер. P. 454); Троицкий И.Г. Автобиография императора Михаила Палеолога. СПб., 1885. С. 533; Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments / Ed. J. Thomas, A.C. Hero, G. Constable. Vol. 1–5. Washington, 2000. Vol. 5. P. 1243.*

⁷⁷ *Nicephorus Blemmydes. Conspectus geographiae. P. 464.33–40.*

довательно именуется массагетами иранских кочевников аланов и помещает массагетов ближе к Европе – в районах восточнее Танаиса⁷⁸.

В применении к тюркам изредка употреблялся древний этникон Σαυρομάται “сарматы” – народ, который, по представлениям древних греков, подчинил в северных степях скифов. Временами “сарматами” именовали венгров, печенегов и узов⁷⁹. Редкий случай квалификации османов как сарматов фиксируется уже в поствизантийской традиции, в XVI в., в апокалиптическом тексте Георгия Клонцы, хотя не исключено, что сами византийцы посчитали бы это отождествление ошибочным⁸⁰. Именования “Сарматы” и “Сарматия” были закреплены более или менее устойчиво за русскими и Русью соответственно⁸¹.

Никита Хониат в качестве еще одного видового обозначения для половцев несколько раз применил этникон Ταυροσκύθαι⁸², который, впрочем, по отношению к половцам не прижился. Вообще “тавроскифами” устойчиво обозначалось население Русского государства⁸³. В отношении двухсоставных именовании такого типа следует сказать, что они обозначали исключительно видовые категории (см. также ниже раздел “Концепт Πέρσαι”).

Помимо традиционных научных Μασσαγέται, Σαυρομάται и Ταυροσκύθαι византийцы для обозначения видовых категорий широко воспринимают новые “варварские” этнические именовании, отчасти взятые у своих цивилизованных соседей (как мусульманских восточных, так и западных) либо почерпнутые из собственной практики общения с новыми племенами. Эти видовые (племенные) именовании довольно определенно и точно идентифицируют различные тюркские племенные группы. Так, к примеру, в X–XII вв. в византийской литературе присутствуют этникины Πατζινάκοι⁸⁴ и Ούζοι⁸⁵, обозначавшие конфедерации огузских тюркских племен, вторгшихся на Балканы из Южнорусских степей. Оба именовании, по всей видимости, происходят от тюркских самоназваний этих конфедераций или же входивших в них отдельных племен (Πατζινάκοι ← тюрк. *beçenek*; Ούζοι ← тюрк. *üz* ← *oğuz*). С XI и по XIV в. византийцы фиксируют племенное название Κούμανοι (← тюрк. *quman*)⁸⁶, которое они прилагали к половцам.

Особый разряд новой этнонимии привнесло с собой монгольское нашествие. Помимо родовых именовании скифы и гунны и видового названия массагеты, применявшихся к татарам и монголам, в византийское простран-

⁷⁸ См., например: *Nicephorus Gregoras. Byzantina historia. Vol. 1. P. 36. 5–8, 204.15–16.*

⁷⁹ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 270.*

⁸⁰ *Lampros S. Ο μαρκιάνος κώδιξ του κρήτος Γεωργίου Κλόντζα // NE. 1915. T. 12. Σ. 44.*

⁸¹ *Ditten H. Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles... S. 16–19, passim.*

⁸² *Nicetas Choniates. Historia / Ed. J.A. van Dieten. Vol. 1–2. B.; N.Y., 1975. Vol. 1. P. 312.2–3, 333.54; Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 303.*

⁸³ *Ditten H. Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles... S. 9, 83 (Anm. 63), 91 f. (Anm. 106), 135 (Anm. 225).*

⁸⁴ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 247–249.* О печенеггах в византийской историографии см.: *Kurat A.N. (Nimet A.K.) Peçenek tarihi. Istanbul, 1937. S. 1–10, 143 ff.; Malamut E. L'image byzantine des Petchénègues // BZ. 1995. Bd. 88. P. 105–147.*

⁸⁵ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 228.*

⁸⁶ *Ibid. S. 167–168.* О куманах в византийских источниках см.: *Vásáry I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge, 2005.*

ство проникают видовые этниконы Τάταροι (XIII–XV вв.)⁸⁷, Μουγούλιοι и Μουγούλαι⁸⁸, воспринятые из персидско-арабской номенклатуры (соответственно تاتار *tātār* и مغول *mugūl*). Кроме того, восточные тюрки, татары и монголы с XIV в. маркируются именованим Χαταΐδες, произошедшего от топонима Χατάια (от перс. خطای *khitāy* ← уйгурского *kytai*, отсюда и рус. Китай), который византийцы локализовывали где-то далеко на Востоке рядом с Китаем⁸⁹. Эти видовые категории получают и традиционные эквиваленты Τόχαροι⁹⁰ и Κιμμέριοι (киммеры)⁹¹, в XIII–XIV вв. обозначавшие монголов и татар. В поствизантийскую эпоху, под влиянием османской терминологии, в греческую историографию входит целый ряд новых этниконов: Μαμελούκοι (XIV–XV вв.)⁹², Ὀθωμανοί (с XV в.)⁹³, Ὀγούζιοι (т.е. огузские племена, предшественники османов у Халкокондила)⁹⁴.

К видовым категориям следует отнести также и названия более мелких племенных объединений и отдельных племен, как правило, заимствованные у самих носителей, как, например, Ἀμιτιώται для племен ак-куйунлу (происхождение до конца не выяснено, возможно, от топонима Омидия на Понте⁹⁵), Ποσδογάνης (← тюрк. *boz-doğan*)⁹⁶, Καρμανοί и Καρμάν для тюрок гермиан (← тюрк. *germiyan*)⁹⁷, Καραμάνοι и Καραμάν для анатолийского тюркского государства Караман (← тюрк. *qaraman*)⁹⁸ и т.д.

Византийцы отчетливо сознавали различия в этническом происхождении, что находит отражение в византийской антропонимике. В византийской номенклатуре личных имен обнаруживается большое разнообразие иностранных племенных и этнических названий, включая Τοῦρκος (встречается как самостоятельное прозвище, а также как первый элемент в составных именах Τουρκοθεόδωρος, Τουρκοθεριανός, Τουρκοϊωάννης т.д.)⁹⁹. Большинство таких имен были прозвищами, указывавшими на этническое происхождение их владельца или его ближайших предков.

КОНЦЕПТ ΠΕΡΣΑΙ

Другой крупный таксон маркировался именованим Πέρσαι. С XI в. категория Πέρσαι применялась широко к анатолийским тюркам, а также к жителям исторической Περσίς – Азербайджана, Ирана, Хорасана, включая с

⁸⁷ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 301.*

⁸⁸ *Ibid. S. 193.*

⁸⁹ *Ibid. S. 342–343; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. дополнение О.Н. Трубачева, ред. Б.А. Ларина. Т. 1–4. М., 1986. Т. 2. С. 240–241.*

⁹⁰ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 329.*

⁹¹ *Ibid. S. 160.*

⁹² *Ibid. S. 181.*

⁹³ *Ibid. S. 215.*

⁹⁴ *Ibid. S. 213–214.*

⁹⁵ *Ibid. S. 58; Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. С. 233–236.*

⁹⁶ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 256; Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток. С. 237–238.*

⁹⁷ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 160.*

⁹⁸ *Ibid. S. 151–152.*

⁹⁹ *Shukurov R. The Byzantine Turks of the Pontos // Mésogaios. 1999. Т. 6. Р. 11–28.*

XIII в. монголов и пришедших с ними тюрков¹⁰⁰. Вообще в древности и до XI в. Περσίς и Πέρσαι были важными родовыми категориями, являясь общим определением для обширного множества видовых географических и этнических единичностей¹⁰¹. Как родовая категория Περσίς и Πέρσαι стояли по значимости в одном ряду со Σκυθία и Σκύθαι. Однако в позднюю эпоху как элемент номенклатуры тюркских/скифских народов Πέρσαι претерпевает любопытную метаморфозу, понижаясь в статусе с родовой категории на видовую. Πέρσαι как именование анатолийских тюрков и иранских монголов находилось в явно подчиненном состоянии по отношению к родовым понятиям скифы/гунны/тюрки.

В отождествлении персов и анатолийских тюрков наиболее эксплицитен Атталиат, который применяет к ним именование “персы” только в силу их расселения на исторической территории Персиды: “...персы, которых теперь часто именуют тюрками...” (οἱ Πέρσαι, Τοῦρκοὺς δὲ τοῦτους νυνὶ ὁ λόγος οἶδε καλεῖν)¹⁰², “ибо появившиеся из Персии тюрки напали на римские земли...” (οἱ γὰρ ἐκ Περσίδος ἐπιφανέντες Τοῦρκοι τοῖς Ῥωμαϊκοῖς ἐπιστρατεύσαντες...)¹⁰³. Подобное понимание мы находим и у Никифора Вриенния, и Анны Комнины, переносивших на тюрков именование “персы” только потому, что они овладели Персидой¹⁰⁴. В XIII в. Феодор Скутариот подтверждает синонимичность для византийского сознания пары тюрки/персы в применении к сельджукам, говоря о них как о “тюрках, именуемых и персами”¹⁰⁵.

Вместе с тем о скифском/гуннском/тюркском, т.е. северном происхождении анатолийских тюрков было хорошо известно византийцам. О нем упоминают все крупные историки, современники сельджукских завоеваний в Передней Азии в XI в. Михаил Атталиат, называя тюркок-сельджуков персами, в то же время определяет их как разновидность гуннов (Οὐννοὶ Νεφθαλίται; τῶν Νεφθαλιτῶν Οὐννων ἦτοι τῶν Τοῦρκων)¹⁰⁶. Гуннским народом называли тюркок-сельджуков также Михаил Пселл и Никифор Вриенний¹⁰⁷. Точно так же и Феодор Гази в середине XV в. в своем письме к Франческо Филельфо, опираясь на предыдущую традицию, повторяет, что тюрки принадлежат к гуннским народам (Τοῦρκοὶ ἔθνος Οὐννικὸν εἶναι φησιν)¹⁰⁸. Никифор Григора, сообщая о сельджукском посольстве к никейскому императору

¹⁰⁰ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 252–254.

¹⁰¹ Dagron G. “Ceux d’en face”... P. 211–213; Cameron A. Agathias on the Sassanians // DOP. 1969–1970. Vol. 23–24. P. 67–183; Schreiner P. Theophylaktos Symokattes und das Perserbild der Byzantiner im 6. und 7. Jh. // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1980. Bd. XXI. Suppl. V. S. 301–306.

¹⁰² Miguel Atalíates. Historia / Introducción, edición, traducción y comentario de I. Pérez Martín. Madrid, 2002. P. 80.4–3.

¹⁰³ Ibid. P. 135.17–18.

¹⁰⁴ См., например: Nicéphore Bryennius. Histoire / Ed. P. Gantier. Bruxelles, 1975. P. 97. 1–2 (Ἄλλ’ οὕτω μὲν Ῥωμαίων οἱ Τοῦρκοὶ γεγόνασιν ὄμοροι, τὴν Περσῶν ἀρχὴν κατασχόντες...); Anna Comnène. Alexiade / Ed. B. Leib. T. 1–3. P., 1937–1945. VII. 7 (οἱ δὲ νῦν τὰ Περσῶν φρονοῦντες Τοῦρκοι).

¹⁰⁵ Theodoros Skoutariotes. Σύνοψις χρονική // Sathas K.N. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη. T. VII. Venetia; Paris, 1894. P. 183.27.

¹⁰⁶ Miguel Atalíates. Historia. P. 33.16–17; 59.16–17.

¹⁰⁷ Michaelis Pselli Orationes panegyricae / Ed. G.T. Dennis. Stuttgart, 1994. V. 127; Nicéphore Bryennios. Histoire. P. 91.1.

¹⁰⁸ Theodori Gazae Epistolae / Ed. P.A.M. Leone. Napoli, 1990. P. 97.11.

Иоанну III Ватацу в отношении заключения антимонольского союза, называет анатолийских сельджуков тюрками, а иранских монголов скифами¹⁰⁹. У византийцев не было ни малейшего сомнения в истинном происхождении ближневосточных тюрков, которые получили именование персы только по их локальному признаку.

С конца XI в. в византийской литературе наблюдается явная тенденция противопоставления двух ареалов – персидского на востоке и скифского на западе. Алексей I в наставлении к сыну Иоанну, описывая плачевное состояние империи в начале своего правления, противопоставляет ἡ Σκυθῶν μὴριαρχία на западе и ἡ Περσικῶν ὄπλων βία на востоке¹¹⁰. Вплоть до первой половины XIV в. противопоставление Πέρσαι и Σκύθαι было общим местом: под первыми подразумевают анатолийских тюрков, а позже и иранских монголов, а под вторыми – балканских половцев, алан, позже и золотоордынских монголов¹¹¹. Может возникнуть ложное представление, что анатолийские (по большей части огузы) и балканские тюрки того времени (огузы и кыпчаки) в системе этнографических представлений оказывались отнесенными в различные родовые категории, повторяющие родовое разделение между персами и скифами в классической древности и ранневизантийскую эпоху. Однако эта явственная тенденция к разграничению двух тюркских ареалов все же не заслоняла представление о “скифском” происхождении овладевших Персией и Анатолией тюрков и монголов. Уже упоминавшийся Атталиат, устойчиво квалифицировавший сельджукских тюрков как гуннов и персов, в другом месте, рассуждая об одном из сельджукских вождей Хризосуле, отмечает, что тот внешне был похож на скифа (τὴν ὄψιν Σκύθης), поскольку, и в самом деле, происходил от скифов (τὸ γένος ἐκ Σκυθῶν), подчеркивая тем самым генетическое родство балканских скифов и анатолийских персов¹¹². Точно так же Никифор Григора знает, что иранские монголы это на самом деле Σκυθικὸν γένος, покоривший некогда Ассирию, Мидию, Персию¹¹³.

В хорографической системе Птолемея Персия находилась в восточной части Средиземноморского квадрата и влияние Солнца на него было большим по сравнению с Западом; благодаря этому регион характеризовался как солнечный, дневной, праворукий и мужской, в отличие от западной части Средиземноморья – лунной, ночной, леворукой и женской. Соответственно люди, живущие там, обладают здравым смыслом, любознательностью, склонностью к наукам, они мужественны и решительны¹¹⁴. Персия, в трактовке Птолемея, находится под управлением зодиакальных знаков Тельца, Девы и Козерога и планет Сатурна и Венеры. В силу этого народ характеризуются способностью предсказывать будущее, страстностью, похотливостью, любовью к роскоши, но также и благородством, великодушием и

¹⁰⁹ *Nicephorus Gregoras*. *Byzantina historia*. Vol. 1. P. 41.4–6.

¹¹⁰ *Maas P*. *Die Musen des Kaisers Alexios I* // *BZ*. 1913. Bd. 22. S. 348–69, также S. 361.

¹¹¹ См., например: *Nicetas Choniates*. *Historia*. Т. 1. P. 30.1–2, 178.4–5, *passim*; *Grégoire H*. *Imperatoris Michaelis Palaeologi de vita sua*.

¹¹² *Miguel Atalicates*. *Historia*. P. 107.1–2. Дополнительные примеры см.: *Moravcsik Gy*. *Byzantinoturcica*. Bd. 2. S. 282 (10).

¹¹³ *Nicephorus Gregoras*. *Byzantina historia*. Vol 1. P. 35 ff.; Vol. 2. P. 689.5–6.

¹¹⁴ *Ptolem*. *Opera*. II. 2. 2.

воинственностью¹¹⁵. В классической астрологической хорографии существовали и другие привязки для Персии¹¹⁶. В текстах XIV–XV вв. под влиянием иранской астрологии Персия ассоциируется с зодиакальным знаком Овна и Юпитером¹¹⁷.

Таким образом, источником переноса имени “персы” на анатолийских тюрок являлись географические представления византийцев, которые квалифицировали сопредельный Анатолии географический регион как Персию, а его жителей соответственно как персов. Тюрки, захватившие Анатолию в XI в. пришли из Персии и в соответствии с занимаемым ими локусом именовались персами. Однако византийская практика была, по всей видимости, обусловлена не только внутренней логикой традиционных византийских представлений. Именование Πέρσαι окончательно закрепляется за тюрками Анатолии в XII в., потеснив (но не отменив) именование Τούρκοι. Так, Иоанн Киннам называет анатолийских тюрок только “персами”, ни разу не обозначив их “тюрками”¹¹⁸. Это изменение в византийской номенклатуре происходило одновременно с развитием в самом анатолийском Сельджукском султанате представлений о связи своей державы с иранской и, в особенности, древне- и среднеперсидской (ахеменидской и сасанидской) государственностью. Роль персидской культуры и языка в высших слоях сельджукского общества была чрезвычайно высока. Сами высшие классы мусульманского общества в Анатолии культурно и лингвистически ассоциировали себя скорее с иранцами и арабами, чем с тюрками-кочевниками, цивилизационный статус которых в мусульманском средневековье был традиционно не высок.

Можно предположить, что одним из внешних толчков к конструированию этой идейной связи между анатолийской и иранской государственностью, по всей вероятности, была обсужденная выше византийская идентификация анатолийских тюрок как персов и инициированный византийцами аналогизирующий перенос на византийско-тюркские отношения в Анатолии традиционной модели греко-персидских отношений в древнюю и раннесредневековую эпоху. Не исключено, что внешний толчок, данный византийцами, наложился на широкий приток в Анатолию иранских эмигрантов из Мавераннахра, Хорасана и Северного Ирана, который достиг своего пика в первой половине XIII в. Персидский язык был одним из разговорных языков сельджукского городского населения, а также языком государственного делопроизводства, дворцового церемониала и высокой культуры до последних десятилетий XIII в. Не исключено также, что неожиданное сочетание этих двух факторов – византийское наречение персами и физическое присутствие

¹¹⁵ Ptolem. Opera. II. 2. 3.

¹¹⁶ Другие зодиакальные и планетарные привязки к Ирану см.: Αἱ χῶραι συνοικεῖσθαι τοῖς ἰβ' ζῳδίοις // Anecdota Astrologica / Ed. A. Ludwich. Lipsiae. 1877. P. 112–119; Bouché-Leclercq A. Chorographie astrologique. P. 343–350.

¹¹⁷ См. примеч. 59.

¹¹⁸ Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Rec. A. Meineke. Bonnæ, 1836, passim. Лишь в одном случае он говорит о “туркоманах” как подданных сельджукского султана, имея в виду туркменских кочевников пограничной зоны (удж) (Ibid. V. 3, p. 208.1).

иранцев и иранской культуры – и подтолкнуло элиту сельджукского общества к удивительному повороту в поисках собственной идентичности.

В категории Πέρσαι можно выделить некоторые подвиды, маркировка которых конструировалась по традиционным моделям: Περσαρμένιοι (Данишмандидская династия в XII в., владевшая частью исторической Великой Армении)¹¹⁹, Περσοσκύθαι и Σκυθολέρσαι (сельджуки)¹²⁰, Περσοτοῦρκοι и Τουρκοτέρσαι (туркменские племена ак-куйунлу в Восточной Анатолии)¹²¹ и т.д. Таким образом, Πέρσαι по отношению к перечисленным этниконам выступает в роле родовой категории.

Появившееся в XII в. Τουρκομάνοι¹²² обозначало туркменских кочевников Анатолии и было, по-видимому, заимствовано у оседлых мусульман Анатолии. Анатолийские Τουρκομάνοι рассматривались византийцами как подвид в таксоне Πέρσαι: например, Акрополит связывает тех и других, говоря о туркменах, что “народ этот стережет удаленные границы персов” (ἔθνος δὲ τοῦτο τοῖς ἄκροις ὀρίοις τῶν Περσῶν ἐφεδρεῖον)¹²³. Категория Πέρσαι стоит особняком, ее статус колеблется между родовым и видовым разрядами. Таксон Πέρσαι как обозначение мощного и грозного восточного народа, угрожающего империи, несомненно, занимал место родового понятия, охватывавшего серию видовых категорий. Однако византийцы не забывали, что народ Πέρσαι изначально представляет собой одну из разновидностей скифов/гунов/тюрок, тем самым низводя его на более низкий видовой разряд.

ИЗЪЯНЫ МЕТОДА

В уже цитировавшемся отрывке Никифор Григора говорил, что византийские писатели, “которые пользуются греческими названиями [варваров], называют их по-разному, каждый как захочет...”¹²⁴. Никифор Григора довольно точно ухватил главный изъян византийского метода освоения новой информации о строении внешнего мира – в нем присутствует некая непосле-

¹¹⁹ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 254.*

¹²⁰ *Ibid. S. 255, 283.* У Д. Моравчика не учтены множественные упоминания Περσοσκύθαι в литературе конца XII и XIII в., см., например: *Teodoro II Duca Lascari. Epitome dell'Imperatore Giovanni Duca / Ed. L. Tartaglia. Napoli, 1990. P. 50.94–95.*

¹²¹ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 2. S. 255, 327.*

¹²² *Ibid. S. 320, 327.* Именованье “туркмен” (ترکمان, арабизир. мн. ч. تراکمة, перс. мн. ч. ترکمانان и др.), возможно, произошло от этнонима “тюрк” + тюрк. *man / men* (увеличительный суффикс) или же, согласно альтернативной средневековой этимологии, которую не следует полностью сбрасывать со счетов: ← перс. ترک مانند *turk mānand*, ترک مانا *turk-mānā*, “похожий на тюрка”, “тюркоподобный”. Отказаться от традиционной персидской этимологии мешает то обстоятельство, что чисто тюркская этимология, к которой сейчас склоняется большинство исследователей, не дает все-таки правдоподобной семантики: если *man / men* является увеличительным суффиксом, то “туркмен” будет означать “турчище”, что имеет мало смысла. См.: *Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente in Neupersischen. Bd. 2. S. 498–499; Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. XIV.*

¹²³ *Georgii Acropolitae Opera / Ed. A. Heisenberg, P. Wirth. T. 1–2. Stuttgart, 1978. T. 1. P. 136.11–12.*

¹²⁴ *Nicephorus Gregoras. Byzantina historia. Vol. 1. P. 32.*

довательность в распределении византийскими авторами новых народов по родовым и видовым разрядам.

Действительно, Григора прав в том, что привязка новых народов к родовым категориям не подвергалась ожидаемой нами унификации. Так, если для Атталиата тюрки-сельджуки это гунны, захватившие Персию и получившие поэтому именование персы, то в изложении Анны Комнины прослеживается явная тенденция связывать именование “персы” чаще с Великими Сельджуками Ирана, а тюрк Анатоллии обозначать чаще как *Тоῦρκοι*, хотя в некоторых случаях, похоже, и анатолийские тюрки именуется у нее “персами”¹²⁵. Иоанн Киннам и Никита Хониат никогда не называли тюрк-сельджуков “гуннами”, хотя в предыдущей и последующей традиции, как мы показали выше, эта идентификация была общеизвестной. Киннам и Хониат применяли именование “гунны” исключительно к венграм. Иоанн Киннам никогда не называл тюрк-сельджуков *Тоῦρκοι*, тогда как Хониат обозначает их вперемежку и как *Тоῦρκοι*, и как *Πέρσαι*. Георгий Пахимер повсюду применяет к тюркам-сельджукам именование *Πέρσαι*, употребляя *Тоῦρκοι* исключительно в отношении тюркских союзников каталанцев¹²⁶. Такого рода примеры можно было бы умножить за счет разнобоя в обозначении северных тюрк (печенегов, узов и половцев, монголов), а также в употреблении древних видовых именовании *Μασσαγέται*, *Τόχαροι*, *Κιττιέριοι* и др.

Исследователями неоднократно отмечался этот разнобой в применении древних названий к тем или иным новым народам¹²⁷. Именно это и вводит современного читателя в замешательство более всего. Однако этот разнобой отнюдь не выливался в произвольность. Традиционные и новые именовании народов в византийском сознании выстраивались в синонимические ряды как родовых, так и видовых категорий, что мы и пытались продемонстрировать выше. Византийские авторы были вольны выбирать из этих синонимических рядов тот элемент, который им казался более подходящим. Хотя, скажем, Киннам никогда не называл анатолийских сельджуков “скифами”, “гуннами” и “тюрками”, трудно себе представить, чтобы он не знал об их “истинном” скифско-гунно-тюркском происхождении. Различие между синонимическими группами всегда оставалось актуальным – никто из византийцев не мог назвать и не называл печенегов или половцев “массагетами” и “тохарами” (это именование было закреплено за народами, жившими в восточной части “Скифии”), никто также не называл тюрков и иранцев Ближнего Востока, скажем, “арабами” или “сарацинами” (последнее именование было закреплено, вопреки мнению Д. Моравчика, исключительно за арабами¹²⁸).

¹²⁵ *Anna Comnène*. *Alexiade*. VI. 3; VII. 7; XIII. 8 (“персы” как анатолийские тюрки).

¹²⁶ *Pachymères*. *Relations Historiques*. XI. 27; XIII. 12–13, 26–27, 29, 38.

¹²⁷ *Литаеврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 431; *Hunger H.* On the Imitation (ΜΙΜΗΣΙΣ)... P. 31; *Moravcsik Gy.* Klassizismus in der byzantinischen Geschichtsschreibung // *Polychronion*, Festschrift F. Dölger zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966. S. 372 ff.

¹²⁸ Ср.: *Moravcsik Gy.* *Byzantinoturcica*. Bd. 2. S. 268. Об этнонимике и образе арабов в византийской литературе см.: *Christides V.* The Image of Pre-Islamic Arab in the Byzantine Sources. Princeton, 1970; *Idem.* *Saracens' prodosia in Byzantine sources* // *Byzantion*. 1970. T. 40. P. 5–13; *Idem.* The Names *ἄραβες*, *σαρακηνός* etc. and their False Byzantine Etymologies // *BZ*. 1972. Bd. 65. S. 329–333.

ОНОМАСТИКА И ДИГЛОССИЯ

Затронутую в начале работы проблему “архаизации” следует поставить и в контекст другой более обширной проблемы, не привлекавшей до сих пор внимание исследователей: византийской диглоссии, а именно сосуществования средневизантийского литературного языка (в основе которого лежал аттический греческий) и так называемого “народного” или разговорного языка (который лег в основу новогреческой *димотики*). Смысл диглоссийного механизма заключался в сознательной очистке языка литературных текстов от разговорных форм. Разговорные элементы живой речи рассматривались неуместными в письменном тексте и, как правило, избегались авторами, иногда умышленно, а иногда и в результате подсознательной самоцензуры¹²⁹. Под диглоссийную цензуру попадали, конечно, и новая этнонимика, и топонимика.

Если выше шла речь об иерархических “вертикальных” отношениях этно-географических терминов, то ниже мы обсудим горизонтальные связи между традиционной и новой терминологией. Важно подчеркнуть, что при сохранении вертикальных родо-видовых структур (в которых присутствовала явная тенденция маркировать родовые понятия традиционной античной или ранневизантийской терминологией, а видовые – новой) возможно выделить и другую линию эволюции этно-географической номенклатуры, а именно непрерывное ее обновление за счет новой терминологии. Новые географические и этнические именованья проникали в византийские тексты непрерывно на протяжении всей византийской истории, выполняя функцию синонимических дублетов для старой географической номенклатуры, иногда полностью вытесняя прежние названия. В идеале в византийском языковом поле сосуществовали две терминологические сетки: с одной стороны, литературная научная и просторечная разговорная – с другой.

Весьма показателен особый жанр метономасий (μετονομασία) – списков соответствий старых и новых географических и этнических названий, самые древние из которых, как кажется, относятся к XII в. Содержание этих списков охватывало топонимику как в границах самой Византийской империи, так и за ее пределами, в особенности балканская и ближневосточная (Азербайджан, Сирия, Ирак) топонимика. Например, на Балканах и в Придунавье

¹²⁹ *Kriaras E.* Diglossie des derniers siècles de Byzance // XIIIe Congrès international des études byzantines: Actes. Oxford, 1967. P. 283–299; *Idem.* Bilinguismo degli ultimi secoli di Bisanzio; nascita della letteratura neellenica // Bollettino del Centro di Studi di Filologia e Linguistica Siciliana. T. 11. 1970. P. 1–27; *Mirambel A.* Ἡ διγλωσσία τῶν τελευταίων αἰώνων τοῦ Βυζαντίου ἀρχὴ τῆς νεοελληνικῆς λογοτεχνίας // Παρνασσός. T. 8/3. 1966. P. 466–472; *Mirambel A.* Diglossie des derniers siècles de Byzance // XIIIe Congrès... P. 309–313; *Browning R.* The Language of Byzantine Literature // The ‘Past’ in Medieval and Modern Greek Culture / Ed. Sp. Vryonis. Malibu, 1978. P. 103–134; *Dagron G.* Aux origines de la civilisation byzantine: langue de culture et langue d’état // Revue historique. 1964. T. 241. P. 23–56; *Horrocks G.* Greek: A History of the Language and its Speakers. L.; N.Y., 1997. P. 129–290 (Section II); *Bilingualism in Ancient Society: Language Contact and the Written Text* / Ed. J.N. Adams, M. Janse, S. Swain. Oxford, 2002; *Petrounias E.* The Modern Greek Language and Diglossia // The ‘Past’ in Medieval... P. 193–220. Ср. со сходной проблематикой соотношения церковнославянского и древнерусского языка: *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 5.

упоминаются современные названия Венгрия, Сербия, Струмица, Вардар и т.д., а на Ближнем Востоке – Тебриз, Майафарикин, Халев, Амид и т.д.¹³⁰ Наличие таких списков указывает, что новые названия не только присутствовали в лингвистическом поле, но и широко использовались византийцами. Эти списки были предназначены именно для того, чтобы совместить терминологическое поле абстрактного и воображаемого с реальным и бытовым.

Дублетные названия встречаются в географических сочинениях некоторых авторов со сравнительно неглубоким знанием традиции, литературный вкус которых позволял употребление явных неологизмов. Так, Иоанн Канавуц (судя по имени, потомок итальянских предков) в своем сочинении “К государю Эноса и Самофракии”, представлявшим собой комментарий к Дионисию Галикарнасскому, приводит тюркские названия описываемых им малоазийских городов. Говоря о Галикарнесе, он отмечает, что в его время это – безлюдное и заброшенное место в области, именуемой тюрками *Μανταχία* (← тюрк. *Menteşe*)¹³¹. О горе Ида у Трои он говорит, что ее “ныне тюрки называют на своем языке *κὰς τὰϋ*, т.е. гусиный холм”¹³². Иоанн Канавуц имеет тут в виду тюрк. *Kazdağ*, “Гусиная гора”. В другом месте он сообщает, что Асос по-тюркски “ныне именуется *Μαχράμης*” (← тюрк. *Bahram/Behram*, ныне *Behramkale*), а Абидос – *Γενησάρη* (← *Yenişehir*, деревня на Дарданеллах)¹³³. Следует отметить, что эти указания соответствуют действительности, а графическая передача тюркских слов весьма точна.

Технических тексты другого жанра – астрологические трактаты – содержат вперемежку как традиционную географическую и этническую номенклатуру, так и новые названия. Тут достаточно сослаться на хорошо исследованный Трапезундский гороскоп на 1336 г., в котором упомянуты новые именованья Амид, Мосул, Багдад, Гилян, Тебриз и т.д.¹³⁴ Новая терминология содержится и во множестве других астрологических текстов, как, например, в трактате “О климатах, относящихся к каждому из знаков зодиака” упо-

¹³⁰ *Diller A. Byzantine Lists of Old and New Geographical Names // BZ. 1970. Bd. 63. S. 27–42. Μετονομασία, опубликованная О. Ламсидисом (Lampsides O. Georges Chrysococcus, le médecin, et son œuvre // BZ. 1938. Bd. 38. S. 320–322), принадлежит на самом деле не Георгию Хрисококу, но Аллацию (Diller A. Byzantine Lists... P. 29. Not. 11). Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 1. S. 465–466; Бородин О.Р., Гукова С.Н. История географической мысли в Византии. С. 138–140.*

¹³¹ *Ioannis Canabutzae Magistri Ad principem Aeni et Samothracas in Dionysium Halicarnasensem commentaries / Ed. M. Lehnerdt. Lipsiae, 1890. P. 16.1–2. Об Иоанне Канавуце см.: Diller A. Joannes Canabutzes // Byzantion. 1970. T. 40. P. 271–275; Idem. Joannes Canabutzes and Michael Chrysococcus // Byzantion. 1972. T. 42. P. 257–258. Интересно, что Иоанн Канавуц имел, возможно, отношение к кругу Георгия Гемиста Плифона и оставил свои заметки на Codex Marc. gr. 406 – рукописи-автографе Плифона.*

¹³² *Ioannes Canabutzes... P. 47.26–48.3: ἄτινα καλοῦσιν σήμερον οἱ Τοῦρκοι τῆ ἑαυτῶν γλώσσῃ κὰς τὰϋ ἦτοι βουνός τῶν χηνῶν κὰς γὰρ παρ’ αὐτῶν λέγεται ὁ χην καὶ τὰϋ ὁ βουνός.*

¹³³ *Ibid. P. 47.4–7.*

¹³⁴ *Τραπεζουντιακὸν ὠροσκόλιον τοῦ ἔτους 1336; Mercier R. An Almanac for Trebizond for the Year 1336. Louvain-la-Neuve, 1994. (Corpus des astronomes byzantins, VII). Исследования гороскопа: Varvounis M.G. Ὁψεις τῆς καθημερινῆς ζωῆς στὴν Τραπεζοῦντα τοῦ 14ου αἰῶνα – Η μαρτυρία τοῦ Ὁροσκόλιου τῆς Τραπεζοῦντος (1336) // Ἀρχεῖον Πόντου. 1994. Vol. 45. P. 18–36; Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 475. Восточная топонимика гороскопа: Шукуров Р.М. Трапезундский гороскоп... (= Shukurov R. Horizons of Daily Interest).*

минаются Мекка, Хиджаз, Рей, Хамадан, Хорасан, Исфаган, Кирман, Балх, Бухара, Кабул и т.д. Интересно, что наиболее подробно тут представлена топография иранских земель – как Западного Ирана, так и Хорасана¹³⁵. Рукопись Vatic. gr. 1056, в которой содержится этот короткий трактат, датирована по палеографическим данным XIV в.¹³⁶ По всей видимости, примерно в это время он и был создан, скорее всего, в период от конца XIII и до первой половины XIV в., когда византийско-иранские связи в области точных наук были наиболее тесными.

Новые названия, как представляется, полностью вытеснили старые в бытовой сфере. Номенклатура подорожных для купцов и паломников, а также купеческих финансовых записей, имевших сугубо утилитарную функцию, состоит почти исключительно из новых топонимов и этнонимов¹³⁷. В текстах такого рода традиционная научная номенклатура практически не встречается. На утилитарном уровне византийцы пользовались исключительно современной терминологией. Кроме того, как справедливо отмечал М.В. Бибииков, самоназвания народов, употреблявшиеся в разговорном греческом языке, широко использовались и в других утилитарных текстах, не подверженных диглоссийной цензуре: для поздневизантийской эпохи чужеземная этнонимика широко представлена в актовом материале, печатях, антропонимике, топонимике¹³⁸.

Следует добавить, что поздневизантийская география активно воспринимала новую терминологию, не имевшую дублетных аналогов в традиции. Новые названия широко проникают и в географический жанр. Так, например, Георгий Гемист Плифон в последней части известного географического трактата, где он исправляет ошибки Страбона, вводит новую этническую и географическую номенклатуру, прежде не известную в греческой географии¹³⁹. Новая номенклатура обильно представлена и в заметках Ласкариса Канана (между 1418–1448 гг.), описавшего страны Северного и Балтийского морей¹⁴⁰. При этом следует иметь в виду, что Ласкарис Канан давал описа-

¹³⁵ Περί τῶν κλιμάτων τῶν ἀνακειμένων ἐν ἑκάστῳ ζῳδίῳ (Excerpta ex codice Vatic. gr. 1056) // *CCAG*. Т. 5/3. 1910. Р. 131–132.

¹³⁶ *CCAG*. Т. 5/3. Р. 7.

¹³⁷ См., например: *Ebersolt J. Un itinéraire de Chypre en Perse d'après le Parisinus 1712* // *BZ*. 1906. Bd. 15. S. 223–226; см. также Указатели к: *Schreiner P. Texte zur spätbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Bibliotheca Vaticana*. Città del Vaticano, 1991, особенно III. Griechische Länder-, Völker- und Ortsnamen.

¹³⁸ *Бибииков М.В. Византийские источники...* С. 84, 175–185, 266–271; *Он же. К изучению византийской этнонимии*. С. 150.

¹³⁹ Текст см.: *Diller A. A Geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho* // *Isis*. 1937. Vol. 27/3. Р. 442–446. Перевод: *Гукова С.Н. К вопросу об источниках географического трактата Плифона* // *ВВ*. 1983. Т. 44. С. 94–97. См. также: *Бородин О.Р., Гукова С.Н. История географической мысли в Византии*. С. 132–134.

¹⁴⁰ *Laskaris Kananos. Reseanteckningar från de nordiska länderna* / Ed. V. Lundström. Uppsala, 1902. S. 14–17; Пουρσία (Пруссия), Σουήτζια (Швеция), Στοκόλμω (Стокгольм), Норβегία (Норвегия), Ρήγα (Рига), Πορτεγάλλε (Португалия) и т.д. (см. комментарий к тексту, S. 20–32); *Васильев А.А. Ласкаръ Канан, византийский путешественник XV в. по северной Европе и в Исландии*. Харьков, 1914; *Die Nordlandreise des Laskaris Kananos* // *Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen*. Graz; Wien; Köln, 1954. S. 99–105 (немецкий перевод: S. 103–105); *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur...* Bd. I. S. 519; *Бородин О.Р., Гукова С.Н. История географической мысли в Византии*. С. 140–144.

ние городов и местностей, не известных прежде византийской географии. Однако при малейшей возможности Ласкарь Канан стремился подвести новые объекты под известные научные категории: так, упоминаемую им Исландию (Ἰσλάντη) он отождествил с Птолемеевским островом Фула¹⁴¹. Широко привлекал новую номенклатуру и Лаоник Халкокондил¹⁴². В этом же ряду стоит и анонимный географический трактат XIV в. из рукописи ГИМ № 509, автор которого, успешно воспроизводя традиционную научную номенклатуру, демонстрирует определенную образованность, но все же дает несколько новых топонимов для Причерноморья и Балкан¹⁴³. Хотя Плифона, Канана и Халкокондила нельзя считать типичными представителями жанра (особенно это касается Халкокондила, который творил уже после краха византийской цивилизации), однако тем не менее их пример указывает на потенциальную открытость сознания интеллектуалов к обновлению наличного научного корпуса.

Метонамации, географические сочинения, а также утилитарные тексты очерчивают масштабы реального разрыва между двумя номенклатурными системами – так сказать, научной и обыденной. Повседневными современными именованиями пользовались на бытовом уровне все, однако употребление научных названий было своего рода привилегией образованных классов и встречается только в высоких литературных жанрах. Этот разрыв между научной и бытовой терминологией ясно осознавался образованными современниками, и знаки этого осознания обнаруживаются в текстах. Так, например, Никифор Григора в XIV в. однозначно противопоставлял научную и просторечную этнонимии: “Когда василевс (Михаил VIII Палеолог. – *Р.Ш.*) в следующем году (т.е. 1283 г. – *Р.Ш.*) вернулся в столицу, к нему тайно присылают посольство массагеты, [живущие] по ту сторону Истра; разговорный язык именует их аланами”¹⁴⁴. Этникон “массагеты” принадлежит тут строгому научному дискурсу, который Григора дополняет обыденным “ненаучным”.

Отмеченное распределение древней научной терминологии преимущественно в высоких жанрах письменности, а новой топонимии и этнонимии – в низких жанрах, а также в письменности технического и бытового характера вновь указывает на принципиальную недостаточность и неточность определения “архаизация” как всеобъемлющего принципа византийского

¹⁴¹ *Laskaris Kananos. Reseanteckningar...* S. 16.49.

¹⁴² *Ditten H. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles: Nachrichten über die Länder und Völker an den europäischen Küsten des Schwarzen Meeres (15. Jahrhundert u. Z.) // Klio. 1965. T. 43–45. S. 185–146; Idem. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles: Deutschlands-Exkurs // BF. 1966. Bd. 1. S. 49–75; Idem. Spanien und die Spanier im Spiegel der Geschichtsschreibung des byzantinischen Historikers Chalkokondyles (15. Jh.) // Helikon. 1963. T. 3. S. 170–195; *Бородин О.Р., Гукова С.Н.* История географической мысли в Византии. С. 136–138.*

¹⁴³ *CCAG. T. 12. P. 74–75; Шангин М.А.* Новый географический текст // ВДИ. 1938. № 4. С. 252–255; *Каждан А.П.* [Реч.:] *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica // BB. 1959. T. 16. С. 286–287; Ivanov S.A.* An Anonymus Byzantine Geographical Treatise // *REB. 2002. T. 60. P. 167–177.*

¹⁴⁴ *Nicephori Gregoras. Byzantina historia. T. 1. P. 204.14–16: “Κατὰ δὲ τὸ ἐπιὸν ἔτος ἐς τὴν βασιλεῦσαν ἐπανάκοντι τῷ βασιλεὶ πέμπουσι τινες τῶν ὑπὲρ τὸν Ἰστρον Μασσαγῆτων λαθραῖαν πρεσβείαν Ἀλανοῦς ἢ κοινὴ τούτους καλεῖ διάλεκτος...”; Dieterich K. Byzantinische Quellen... Bd. 2. S. 51.*

образа мышления. Византийцы обращались к древней терминологии отнюдь не из пресловутого интеллектуального “снобизма”, но, как правило, в тех случаях, когда намеревались устрожить развиваемый ими дискурс.

Однако вместе с тем важно подчеркнуть, что приведение новых племен к традиционным классам византийского научного знания не отменяло проникновение новой терминологии в пространство традиционного научного дискурса. В византийскую науку вопреки защитительным диглоссийным механизмам вошли этниконы Φράγκοι (франки), Οὔννοι (гунны), Τοῦρκοι (тюрки), Σκλαβηνοί/Σθλάβοι (славяне) и многие другие, касающиеся, в частности, тюрков, которые были обсуждены выше. То же можно сказать и о топонимике и в особенности о названиях пунктов на бывших византийских землях, в которых старые греческие названия замещались новыми “варварскими”. Так, Иоанн Киннам упоминает ущелье во Фригии называемое “по-варварски”, т.е. по-тюркски (βαρβαρικῶς ὠνομασμένον) Τζιβρηλιτζιμανί, а Акрополит употребляет современное ему тюркское название Аксарай (Αξαρα) для анатолийского города Архелаиды¹⁴⁵. В историографии, написанной высоким литературным языком, наряду с древней терминологией в той или иной мере всегда присутствует и новая. Так или иначе, корпус научной терминологии корректировался и обновлялся под воздействием новой информации.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Византийская классификация северо-восточных и восточных народов была по преимуществу *двухчастной*, что в большинстве случаев не позволяет выстроить полноценную шкалу иерархических соотношений между различными элементами родового и видового таксонов. Редко удается выстроить таксономическую шкалу, которая бы содержала больше двух иерархических категорий – родо-видовые пары в византийских текстах сосуществуют как двухатомные молекулы, не вступающие друг с другом в субординационную связь.

Главными родовыми категориями, обозначавшими алтайские кочевые народы, являлись Σκύθαι, Οὔννοι и Τοῦρκοι. Наиболее устойчивым, общепринятым и широким было именование Σκύθαι, применявшееся ко всем кочевым народам, происходившим из регионов севернее и восточнее Дуная, Северного Причерноморья и Каспия. Категория Πέρσαι, в принципе подчиненная родовому понятию скифы/гунны/тюрки, но и имеющая под собой подвиды, была скорее исключением из правила. В некоторых случаях она выступает как родовое понятие, определяя тюрков (а также и собственно иранцев), живших в мусульманской Анатолии и на Среднем Востоке, в противоположность “скифам”, жившим на севере и северо-востоке ойкумены.

Видовая номенклатура византийских текстов свидетельствует о достаточной степени предметности знания византийцев, об их уверенной ориентации в этно-политической карте современного им тюркского мира. Более того, адекватность этой номенклатуры удостоверяется и тем, что она в своей значительной части принята современной наукой – мы продолжаем

¹⁴⁵ Cinnamus. P. 47.2; Acropolites. P. 137.11.

называть тюрок тюрками, печенегов печенегами, куманов куманами, туркмен туркменами и т.д. Будет не лишним подчеркнуть это наблюдение – для описания этнической карты средневекового мира мы во многом пользуемся ныне именно византийской этнической номенклатурой. Именно византийцы поименовали мир и наделили многие народы именами, которые те (а вместе с ними и современная наука) воспринимают сейчас как самоназвания.

Обвинения в отношении косности византийской науки о народах и землях и ее закрытости для новой информации представляются преувеличенными. Несправедливость этих упреков наиболее явственна на уровне утилитарного знания, в котором новая этническая и географическая номенклатура свободно циркулировала. В заблуждение вводит то, что “реальная” номенклатура присутствовала в византийских текстах как обозначение *единичностей* и перемежалась с традиционными, научными *общими* именованиями, призванными показать место той или иной единичности в таксономической иерархии. Но таковы принципы науки, как таковой. При учете особенностей византийской таксономии мнимые противоречия между новой (видовой) номенклатурой и архаической (родовой) во многих случаях исчезают.